

Глава IV

РОССИЯ В ВОЙНАХ XVII ВЕКА

1. Отечество в период «Смуты» и восстановления государственности

Начало XVII в. для России, ее армии было сопряжено с тяжелейшими испытаниями. «Смута» в стране в период борьбы боярских кланов за власть, крестьянское восстание под руководством И.Болотникова (1605—1607 гг.), польское нашествие (1604—1612 гг.), нападение на границы России со стороны Швеции (1610—1617 гг.) разорили страну, значительно ослабили ее военный потенциал.

«Бунташным веком» ознаменован период русской истории первой четверти XVII в. После смерти Ивана IV в 1584 г. и его сына Федора в 1598 г. прекратилась старая династия легендарных Рюриковичей. Началась борьба за власть между боярскими кланами. Она сопровождалась усилением эксплуатации населения и закрепощением крестьянства — отмена в 90-е годы права перехода крестьян от неугодного им феодала в Юрьев день — 26 ноября. Наступление на их права вызывало открытое возмущение. Последней каплей, переполнившей чашу терпения народа, явились неурожайные годы, поразившие обширные области в центре государства в 1601—1603 гг. Волна восстания всколыхнула страну и широко разлилась не только в центре, но и на окраинах — Северной Украине, юго-западных областях (Путивль, Кромы), граничащих с шляхетской Речью Посполитой. В этой сложной обстановке на Украине появился человек, называвший себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана IV, якобы чудом спасшимся от смерти. Это был беглый монах Московского Чудового монастыря Григорий Отрепьев. Он-то и открыл печальный перечень самозванцев на Руси, пытавшихся использовать народный гнев с целью осуществления не только личных корыстных интересов, но и выполнения захватнических намерений стоящих за ними сил. За фигурами самозванцев-авантюристов маячили польские феодалы и католические иерархи во главе с Папой Римским. Польские магнаты и верхушка католической церкви зорко следили за событиями, развивавшимися в Московии. Они выжидали благоприятного момента, когда можно было бы без особого риска вторгнуться на Русь, упрочить свое положение не только на Украине и в Белоруссии, но и отторгнуть смоленские и черниговские земли, распространив на них католическую религию. Но демагогические посулы самозванцев, защищающих чуждые интересы, не нашли отклика у русского народа.

В этой противоречивой ситуации проходила крестьянская война 1605—1607 гг. под руководством И.И.Болотникова. Народные массы, вначале стремившиеся удовлетворить свои чаяния под лозунгом борьбы за справедливого и доброго царя, вскоре раскрыли лживость обещаний приспешников иноземных захватчиков, под прикрытием самозванцев проводивших беззастенчивое разграбление исконно русских земель. Шляхта вела себя в чужой стране как в собственной. На русский народ наделилось еще одно ярмо — чужеземное. Оскорблялось национальное достоинство, нарушались древние традиции, подвергалась поруганию православная вера.

Русский народ быстро начал избавляться от иллюзий, сообразив, что за многообещающими лозунгами новоявленных «избавителей-царьков» грядет еще более жестокое закабаление и попрание даже тех небольших привилегий, которыми еще обладал простой трудовой люд. По всей стране нарастала волна негодования против захватчиков и самозванных «освободителей». Торжество временщиков было непродолжительным.

В борьбе с иностранной интервенцией русский народ и население Поволжья (татары, марийцы, чуваша и другие) проявили подлинный патриотизм. Вожди народного ополчения Д.Пожарский и К.Минин не только восстановили военную организацию государства — приказы, но и освободили в 1612 г. Москву, изгнали захватчиков из России. Национальную независимость и целостность своего Отечества русскому народу и его войску удалось отстоять. Однако это было достигнуто дорогой ценой.

В 1617 г. в деревне Столбово был заключен мирный договор со Швецией. За ней остались Нева с Ижорской землей, города Корела и Орешек. По Деулинскому перемирию с Польшей в 1618 г. от России отторгались Смоленская и Чернигово-Северские земли. Опасность извне для России сохранилась. А это требовало дальнейших усилий по укреплению российского государства и войска.

Правительство царя Михаила Романова (годы царствования 1613—1645) энергично приступило к восстановлению государственного строя. Как и прежде при царе функционировала Боярская дума, в которой число членов непрерывно возрастало. В середине XVII в. в ней было около 40 чел., в 1653 г. — 61. а в 1678 г. уже 98 думных чинов. Пожалование думными чинами являлось прерогативой царя, что значительно повысило его властную роль. Хотя аристократы по-прежнему находились в большинстве, но удельный рост неродовитого дворянства был значительным. Они попадали в высшие властные структуры «по уму». Такими являлись А.Л.-Ордин-Нащокин, Ф.М.Ртищев и другие. Служебные проступки думных

чинов строго наказывались царем не взирая даже на родовитость думного боярина.

С усложнением государственных задач возникали новые приказы. Наряду с Разрядным, Поместным, Посольским и другими возникали Московский, Владимирский (управление), Челобитный (судный), Разбойный приказы.

Значительно возросла роль военных ведомств. Наряду со старыми приказами, восстановленными Д. Пожарским и К. Мининим еще при создании и организации Второго ополчения (Нижегородского), таким как: Стрелецкий, Пушкарский, началось формирование новых управленческих структур — других военных приказов.

В трудных условиях послевоенной разрухи постепенно совершенствовалась военная организация государства. Страна испытывала экономические и финансовые трудности. Поскольку на содержание войска требовались деньги и хлебное продовольствие, правительство вводило чрезвычайные налоги в виде стрелецких, ямских и других «денег» с посадского населения, а также ржи, овса с крестьянских подворий. Пришлось затратить много усилий, чтобы привести в порядок систему раздачи земельных наделов служилому дворянству. И тем не менее, несмотря на количественный рост русского войска — стрельцов и дворянской конницы, явно обозначился переход от старой системы комплектования войск за счет служилых людей «по отечеству» (бояре, дворяне, дети боярские) и «по набору» (стрельцы, пушкари) к совершенно иным началам. Распространение воинской повинности на посадское население (горожан) и крестьян стало суровой необходимостью.

Правительство учитывало то, что в период отражения польской и шведской интервенции дворянская конница показала низкую боеспособность по сравнению со стрельцами. Стрельцы же проявили не только моральную устойчивость, но и умение в штурме городов-крепостей. Опыт войн учил, что возникла необходимость создания обученного пешего и конного войска. В 1630 г. в наиболее крупные города России отослали грамоты о наборе людей в «ратное научение», что знаменовало начало комплектования и формирования полков «нового строя».

Во второй половине XVII в. полки «нового строя» в русских вооруженных силах утвердились окончательно. В отличие от стран Западной Европы (за исключением Швеции), в которых процветало наемничество, в России наметилась система обязательной военной службы всех социальных слоев коренного населения. В военное время все ратники полков «нового строя» получали жалованье, одежду и вооружение. Они оставались на содержании государства и после окончания военных действий, если не распускались по домам.

Задачи обороны государства от внешних врагов, укрепление власти самодержавия, его защиты от крестьянских выступлений требовали создания послушной, дисциплинированной армии. В своде законов (Соборное Уложение 1649 г.) была установлена военно-уголовная ответственность всех ратных людей за нарушение дисциплины.

Проведенные реформы сыграли положительную роль в период труднейшего противоборства России с Речью Посполитой и Швецией, а также при отражении нашествия турецких войск и полчищ крымских татар на Украину.

В этот период на Украине разразилась освободительная война 1648—1654 гг. под руководством Богдана Хмельницкого. Россия не осталась в стороне. На помощь украинцам шли вооруженные отряды русских крестьян и горожан, донских казаков. И несмотря на труднейшие условия, в которых проходила Освободительная война 1648—1654 гг., она закончилась победой украинского народа.

В январе 1654 г. в древнем украинском городе Переяславле была создана Рада для всенародного провозглашения о воссоединении Украины с Россией.

8 января 1654 г. в 2 часа дня ударили в литавры, созывая народ на площадь. В своей речи Богдан Хмельницкий, охарактеризовав тяжелое положение Украины, указал, что освобождение украинского народа возможно лишь при помощи России. Рада торжественно постановила, чтобы Россия и Украина... «есьми вовеки вси едино были». Как отмечали современники, по всей Украине весь народ «с охотою то учинил».

По окончании освободительной войны 1648—1654 гг. и воссоединения Украины с Россией, был составлен 60-тысячный реестр казаков — небывалый в истории украинского казачества (обычно 6—10 тыс. человек).

В связи с определением статуса Украины как автономии в составе России подтверждалась выборность гетмана, местный суд и другие органы власти, а вся территория стала именоваться Гетманщиной. Налоги с нее уже поступали в царскую казну. Войско имело полковое деление — 10 полков (Киевский, Черниговский, Полтавский и др., они же являлись административными единицами), участвовало в охране границ. Русское правительство обязывалось начать войну с Польшей весной 1654 г. и защищать границы освобожденных земель от татарских набегов.

После воссоединения Украины с Россией последней пришлось выдержать напряженную борьбу с Польшей, Швецией и Турцией. С 1654 по 1667 гг. шла изнурительная война с Польшей. Она осложнялась еще и теми факторами, что проходила в условиях нараставших сепаратист-

ских тенденций части пропольски настроенных украинских старшин, которые усилились после смерти Б.Хмельницкого в 1657 г. Кроме того, Швеция также открыла военные действия сначала против Польши, а затем и против России. Но украинский народ и казачество в основной своей массе не порвал братских связей с Россией, что помогло русской армии в труднейших условиях вести войну с двумя сильными европейскими державами.

В 1661 г. Россия заключила в Кардиссе (близ Дерпта) мир со Швецией, которая оставила за собой территорию от Нарвы до Корелы. В 1667 г. русское правительство заключило в Андрусове перемирие с Польшей. Смоленск, Чернигов и Левобережная Украина остались за Россией, а Запорожская Сечь переходила под совместное управление Польши и России.

Вскоре над украинскими землями нависла еще одна беда. Османская Турция обрушилась на Польшу, но турецкие войска, проходя через украинские земли, разоряли и украинское население. И снова Русское государство пришло на помощь.

Россия внимательно следила за событиями, происходящими на Украине. Еще в начале 1670 г., когда гетман Правобережной Украины П.Дорошенко (1665—1676 гг.) объявил себя подданным турецкого султана; последний предъявил свои претензии на всю Украину. Русские войска и казаки гетмана Левобережья Ивана Самойловича воспротивились притязаниям турок¹. Русские войска и казаки заняли Чигирин.

Итак, ко времени русско-турецкой войны, украинский народ единовременно встал на сторону России, еще раз продемонстрировав верность союзу с Русским государством.

В результате Чигиринских походов 1677 и 1678 гг. османские войска потерпели поражение от русско-украинского войска.

Чигиринские походы 1677—1678 гг. истощили военные силы султанской Турции. Она не имела возможности продолжать войну и в 1681 г. подписала Бахчисарайский мир, по которому Порта признавала за Россией Левобережье с Киевом.

В 1686 г. и Польша заключила с Россией «Вечный мир». Обе стороны обязывались помогать друг другу в войне с Турцией. Этот договор означал крутой поворот во внешней политике обеих стран: от вражды, приносившей вред обоим народам на протяжении многих столетий, они согласились перейти к отношениям дружбы и выступить про-

¹ В 1676 г. Дорошенко, не поддержанный народом Украины, вынужден был сдаться русским войскам и казакам И. Самойловича. А украинцы, как только узнали о соглашательской политике Дорошенко, избрали в 1674 г. гетманом всего украинского казачества И. Самойловича.

тив общего врага. Согласно условиям договора, за Россией оставалась Левобережная Украина и Запорожье, а на Правобережье — Киев, Триполье, Васильков, Стайки, кроме того, Северская земля и Смоленск с окрестностями. Территория на правом берегу (южная Киевщина и Брацлавщина, разоренные польско-турецкими войсками) должна была остаться неделимой — нейтральной зоной. Россия обязывалась выступить против Крыма, разорвав мир с султаном Турции и крымским ханом, заплатить Польше 146 тыс. руб. за Киев. В договоре имелось и такое условие: православные в польских владениях не должны подвергаться преследованиям со стороны католиков и униатов.

За Польшей оставалась северная Киевщина, Волынь и Галиция. Так, совместное русско-украинское боевое содружество спасло Украину от польско-турецкой агрессии.

Во второй половине и до конца XVII в. на южном и юго-восточном направлениях были продолжены работы по укреплению и возведению засечных черт. Возникли новые города Ахтырка (1641 г.), Сумы (1652 г.), Харьков (50-е гг. XVII в.) и другие, в которых несли службу не только русские ратники, но и служилые украинцы, начавшие уходить в Россию еще в XVI в. Приход переселенцев с Украины особенно усилился накануне и в ходе Освободительной войны 1648—1654 гг. Все ближе сливались потоки украинских и русских горожан, заселявших территорию между верховьями рек Псел и Дон. В составе России этот регион получил название Слободской Украины. Она имела также полковое деление — Ахтырский, Сумский и др. Из поселенцев набирали гарнизоны городов — служилых людей, несших охранную службу на южных и восточных рубежах государства.

Российское государство в XVII в. выдержало тяжелейшую борьбу на северо-западных, западных и южных границах с многочисленными противниками. Совсем иная ситуация складывалась на восточном направлении. Там шло мирное продвижение русских землепроходцев и крестьян в огромные территории Сибири.

Через широкую дверь, открытую первопроходцами в XVI в., в необозримые земли Сибири и Дальнего Востока «навстречу солнцу» по рекам и сухопутным дорогам устремились русские землепроходцы и мореходы. Русские люди, используя разветвленную сеть великих сибирских рек, преодолевая всевозможные препятствия, вышли к берегам Лены, где в 1632 г. основали укрепление — будущий Якутск. А в 1637 г. из этого острога двинулся в поход отряд казаков под руководством И.Ю.Москвитина.

В 1639 г. москвитинцы, преодолев хребет Джугджур по реке Улья вышли к берегам Охотского моря. Путь от Урала до берегов Тихого океана протяженностью в 10 тыс. км был проложен русскими землепро-

ходцами. В устье Ульи они организовали зимовье, а затем, обследовав побережье Охотского моря, устье реки Охты, Шантарские острова и северную часть Сахалина, вернулись на Лену.

Одним из крупнейших событий середины XVII в. явилось открытие С. Дежневым пролива между гигантскими материками Азии и Северной Америки, но оно оказалось незамеченным по причине сложных обстоятельств, в которых находилось Русское государство в этот период.

Поход С.И. Дежнева открыл кратчайший морской и сухопутный путь для русских людей с Колымы на Анадырь и далее на Камчатку.

Немаловажное значение имела экспедиция В.Д. Пояркова (132 чел.), начатая в 1643 г. и окончившаяся в 1646 г. За три года поярковцы прошли 8 тыс. км по новым землям. В отчете В. Поярков писал, что дауры (монголо-язычные племена) по Амуру подвергаются набегам маньчжуров (тунгусо-маньчжуроязычные племена, обитавшие в южной Маньчжурии), но дани им не дают, также как нанайцы и нивхи.

По следам Пояркова на Амур в 1649—1650 гг. дважды совершал походы Е.П. Хабаров. Поток переселенцев из Центральной России в Сибирь усиливался. Правительство было озабочено сдерживанием оттока населения на окраины государства. И в период царствования Алексея Михайловича (1645—1676 гг.) состоялся Земский собор. В 1648—1649 гг. он выработал и принял Соборное уложение 1649 г., состоявшее из 25 глав. В первых главах предусматривалось жесточайшее наказание (смертная казнь) за оскорбление царя, церкви, бояр и воевод. Неповиновение властным структурам рассматривалось как государственная измена.

«Соборное уложение...» регламентировало несение службы, выкуп пленных, таможенную политику. Оно передавало поместье в личное владение дворян и его передачу по наследству, что уравнило в правах вотчинное и поместное землевладение.

Вводился бессрочный сыск беглых крестьян. Феодалы получили право полностью распоряжаться собственностью и личностью земледельца. Подтверждалась отмена Юрьева дня, что окончательно означало юридическое оформление крепостного права. Свободным (черносошным) и дворцовым крестьянам запрещалось покидать свои общины. Не только крестьяне, но и городское население страны обязаны были нести государственные подати. Посадские люди прикреплялись к своим посадам и не имели права переезжать в другой город.

Однако даже в условиях жесткой регламентации места проживания сибирские просторы манили русских казаков и переселенцев. В конце XVII в. В. Атласов «со товарищи» открыл Камчатку и увидел Курильские острова.

Многообразные связи русских землепроходцев и поселенцев с местным населением способствовали не только хозяйственному освоению, но и юридическому закреплению на самых дальних окраинах Сибири. В 1658 г. основывается Нерчинск, ставший центром Нерчинского уезда. С 1682 г. официально учреждается в составе России Албазинское воеводство, в которое входила долина реки Амур по обеим его берегам от слияния Шилки и Аргуни до реки Буринды. Таким образом, огромная энергия и настойчивость русских первопроходцев в сочетании с миролюбивыми отношениями дали блестящие результаты. Без применения военной силы к европейской части Русского государства были присоединены огромные территории.

В конце XVII в. Россия занимала площадь почти 14 млн. км с населением 10—12 млн. человек. Из них 2 млн. человек жили в Левобережной и Слободской Украине. В Сибири до прихода русских проживало 200—220 тыс. человек, в Приморье и Приамурье — 30 тыс. человек. К концу XVII в. в Сибирь и на Дальний Восток пришло около 300 тыс. человек из Центральной России, из них всего 11 тысяч служилых людей — стрельцов и казаков. В Сибири сформировались очаги пашенного земледения: Тобольский, Нарымский, Томско-Кузнецкий, Илимско-Ангарский.

Вся огромная страна была разделена на 250 уездов, из них в Сибири — 20, с центрами в крупных городах. Во главе уездов стояли воеводы, ведавшие сбором налогов и судебными делами.

Большие сдвиги произошли в промышленности, особенно в металлообработке и добыче. Русские мастера перешли к постройке высокопроизводительных домен. На Урале строились доменные печи, превосходившие иноземные образцы. Так, высота шведских домен в конце XVII в. не превышала 5—6 м. Они давали 0,58—0,88 т чугуна в сутки. На Тульском заводе в 1690 г. домна была уже высотой 8,5 м и выплавляла до 2 т чугуна в сутки. В этой области Россия опережала Европу почти на 100 лет. Росли новые города. Только в европейской части их насчитывалось 226 против 160 в XVI в. Русское государство выходило на новые рубежи.

Геополитическое положение России в XVII в. отличалось большим своеобразием. Достаточно сильный военно-экономический потенциал страны находился в европейской части государства, включая Урал. Но внешние связи с развитыми державами Западной Европы сдерживались отсутствием выхода к морям.

Присоединение огромных сибирских просторов поставило проблему охраны восточных рубежей. В 80-е годы XVII столетия в Сибири возникли хорошо укрепленные города: Селенгинск, Якутск, Нерчинск,

Тобольск и др. Усиливались гарнизоны наиболее важных сибирских крепостей. Источником пополнения воинских дел Сибири было также привлечение на военную службу и включение в ряды русских служилых людей представителей местного населения. В обороне Прибайкалья участвовали «конные тунгусы» и представители других народов. Все это несколько снижало напряженность на восточных границах.

В европейской части России по-прежнему оставались нерешенные проблемы выхода к Балтийскому и Черному морям. Единственный морской порт — Архангельск на Белом море уже не удовлетворял растущие потребности огромного государства. Вопрос о возвращении русских земель и водных путей на Балтийском побережье остро встал на рубеже XVII—XVIII вв.

Проблема выхода России к берегам Балтики и налаживания связей со странами Западной Европы была решена Петром I в первой четверти XVIII в., который, по образному выражению А.С.Пушкина, «прорубил окно в Европу».

Литература

1. Платонов С.Ф. Учебник русской истории. Петроград, 1917; 2-е изд.: М., 1992.
2. Повесть о победах Московских. Л., 1982.
3. Скрынников Р.Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1980.
4. Станиславский А.Л. Гражданская война в России. М., 1990.
5. Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в России в 1608—1609 гг. Пятигорск, 1957.

2. Русское войско в XVII в.

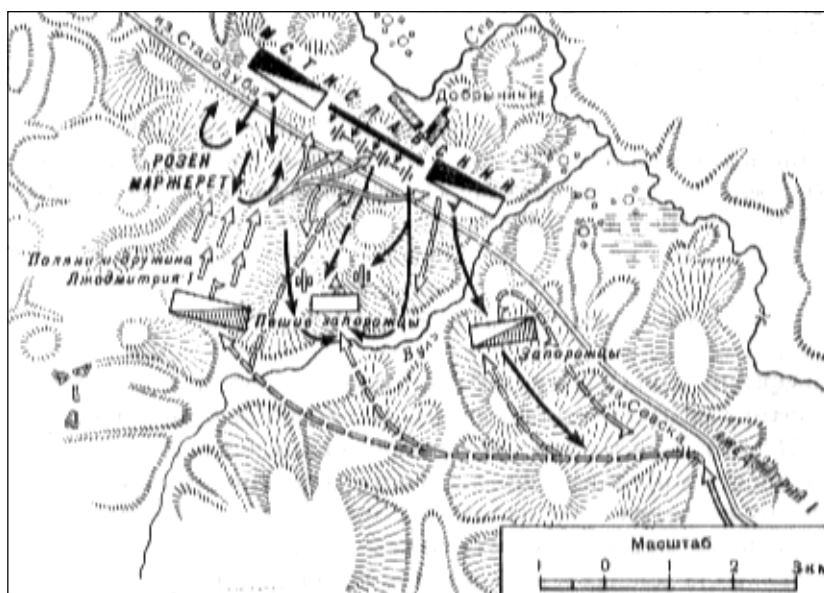
Организацию и боеспособность русского войска в начале XVII в. («Смутное время») можно оценить по отпору Лжедмитрию I.

Несмотря на то, что центральная власть России проявила беспомощность в организации защиты от захватчиков, русское войско достойно встретило противника. «Смута» еще не отразилась на боеспособности русской огнестрельной рати и ее организационных основах, заложенных в предшествующий период.

13 октября 1604 г. Лжедмитрий I с войском перешел на левый берег Днепра в районе устья Десны. Против самозванца было направлено войско во главе с воеводой Ф.М.Мстиславским. 21 января 1605 г. у с. Добрыничи недалеко от г. Севска между русскими и польско-шляхетским войском произошло решительное сражение, о котором сообщали

его очевидцы — французский капитан на русской службе Жан (Яков) Маржерет и немецкий купец Георг Паерле по рассказам поляков. Эти свидетельства, весьма подробные и полученные от участников этого сражения, позволяют достаточно полно реконструировать ход событий.

Русские войска под начальством Ф.М.Мстиславского около 50 тыс. человек (боевой состав 25 336 ратников) (1) были построены в боевой порядок, который состоял из трех частей: центра, левого и правого крыла. В центре боевого порядка стрельцы устроили своеобразный гуляй-город из возов с сеном. В промежутках между возами они установили 14 пушек. Под защитой оборонительных сооружений стрельцы

Сражение под Добрыничами 21 января 1605 г.

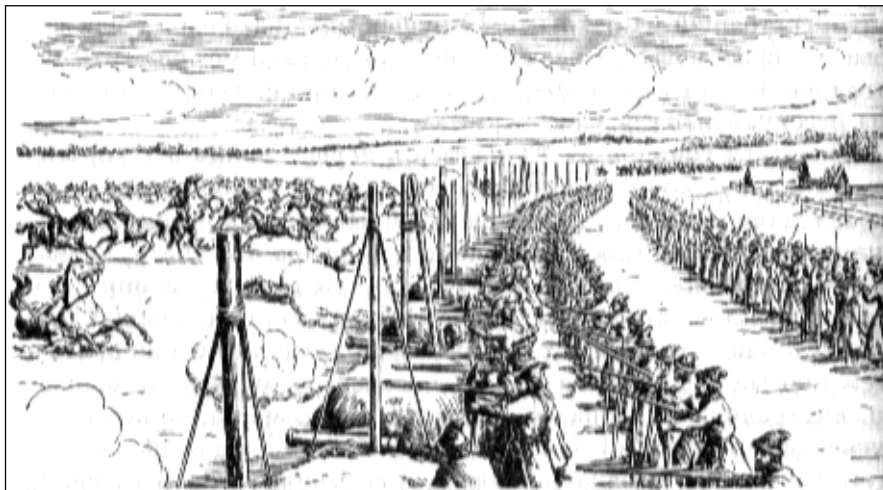
численностью в 6 тыс. человек выстроились в 4 шеренги по 4 человека в ряду — друг за другом, изготовившись для огненного боя. Другая часть стрелецкого войска — 6 тыс. человек, построенная аналогично, стояла позади в резерве. На правом фланге изготовилась к бою иноземная конница под командованием капитана Я.Маржерета — около 2 тыс. человек. На левом фланге выстроилась русская конница — около 6 тыс. человек.

Войска самозванца развернулись в боевую линию из трех отря-

дов. На левом фланге — конница: 2 тыс. поляков и столько же русских. В центре — 4 тыс. пеших казаков, усиленных артиллерий. На правом фланге — 8 тыс. конных казаков. Все войско самозванца насчитывало около 16 тыс. человек. Атаку начинала польско-русская конница — наиболее подготовленная часть войска. Конные казаки должны были сковать левый фланг рати Мстиславского. Центр, состоящий из пехоты и 13 пушек, предназначался для резерва, который в случае неожиданной контратаки мог служить защитой для перестроения. Фланговая атака при ее успехе отбрасывала русскую рать к р. Сев.

Польская конница из 7 хоругвей в первой линии и 1 хоругвь совместно с русской конницей, одетой в белые рубахи поверх лат, атаковала правый фланг правительственных войск. Иноземная конница не выдержала атаки и в беспорядке начала отступать. Развивая наметившийся успех, польские хоругви повернули вправо и пошли в атаку на стрельцов. Допустив неприятеля на очень близкое расстояние, русская пехота произвела артиллерийский залп, а затем первые две шеренги (3 тыс. человек), произведя вздваивание, выстрелили из пищалей. Заступив на их места, дали залп и другие две шеренги (3 тыс. человек). Конница поляков, понеся ощутимые потери, в полном беспорядке отхлынула назад. В это время конница левого фланга рати Мстиславского, опрокинув конных казаков, начала общее преследование. Стрелецкая пехота решительно вышла из-за обоза и обрушилась на пехоту противника. Пешее войско самозванца, оставленное без помощи, оказалось в окружении. 500 поляков, пытавшихся укрыться за своей пехотой, были убиты.

Преследование противника продолжалось на расстоянии 8 км, после чего гонцы от Мстиславского вернули русскую конницу, что спасло Лжедмитрия от пленения. Всего войско самозванца потеряло около 6 тыс. человек, 13 пушек были захвачены московским войском. Правительственные войска потеряли 525 человек. Сражение под Добрыничами свидетельствовало об окончательном утверждении линейной тактики в России. Линейный боевой порядок русских войск имел свои особенности. В отличие от наемных армий Западной Европы, которые вели огневой бой в сомкнутых строях и, сближаясь с противником, делали остановки для заряжания ружей, стрелецкая пехота после залповых выстрелов переходила в атаку, применяя холодное оружие. Петр I, работавшая армейский устав в 1700—1702 гг., сообразуясь с привычными действиями стрелецкой пехоты, отказался от стрельбы «нидерфален» (отстрелявшиеся шеренги становились на колени для заряжания ружей). Для стрельбы пехота выстраивалась в 6 шеренг, которые вели огонь вздваивая первые две шеренги. Они, отстреляв, уходили

Бой под Добрыничами 21 января 1605 г.

назад, уступая место следующим шеренгам.

Под Добрыничами стрелецкая пехота, ведя оборонительный бой, опрокинула массированным ружейным и артиллерийским огнем конницу противника. Стрельцы умело использовали искусственное укрепление — обоз. В наемных армиях западных стран мушкетеры также прикрывались искусственным палисадом. Но в западноевропейских армиях искусственное ограждение изготовлялось специально выделенными людьми. Стрельцы, развивая опыт применения гуляй-города, сами устраивали укрепление из подручных средств и под его защитой быстро производили перестроения, что способствовало интенсивному ведению залпового огня. В ходе сражения стрельцы, взаимодействуя с конницей, осуществили окружение лагеря противника.

В сражении при Добрыничах наиболее наглядно просматриваются развитие и оформление линейного боевого порядка: центр, состоявший из пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, был построен в 8 шеренг. Такое глубокое построение объяснялось недостаточным еще совершенством вооружения. Артиллерия размещалась в интервалах, на флангах и впереди боевого порядка. Конница действовала на флангах. Одновременный залп производили две первые шеренги, вздвоив ряды. Затем следовал залп 3-й и 4-й шеренг, встающих на место первых. Последние 4 шеренги не стреляли. Они составляли резерв и были предназначены для действия холодным оружием. В этом построении заключалось своеобразие тактики стрелецкого войска, кото-

рое умело сочетало огневой бой с ударом холодным оружием. Даже гораздо позднее, в конце XVII в., русский публицист И.Т.Посошков, хорошо знакомый с приемами стрельбы и сам в совершенстве вооруженный ею, указывал, что нельзя стрелять всем сразу. Должна стрелять половина рядов, а другая быть в запасе и действовать холодным оружием. Он возмущался иностранцами-командирами, которые приказывали воинам стрелять всем сразу. И.Т.Посошков писал: «...Что за привычка древний солдатской, что только ладят, чтобы все вдруг выстрелить будто из одной пищали. И такая стрельба угодна при потехе..., а при банкете (празднике — авт.) кровавом тот артикул не годится» (2). Он категорически протестовал против боя, который превращался в огневое состязание противоборствующих сторон.

Весной 1605 г. интервенты возобновили поход на Москву. 13 апреля 1605 г. скоропостижно скончался Борис Годунов. Царская армия не присягнула 16-летнему сыну Годунова Федору. Бояре перешли на сторону самозванца. Это позволило ставленнику польских феодалов Лжедмитрию I 20 июня 1605 г. вступить в Москву.

Но недолго властвовал новоявленный правитель. Воцарившись в Москве, Лжедмитрий I показал свое истинное лицо. Польские приспешники проматывали огромные деньги, бесчинствовали на улицах города.

Терпение москвичей истощилось. 17 мая 1606 г. на рассвете под звуки набата московский люд выступил против иноземцев. Москвичи, во главе которых встали бояре Шуйские, перебили более тысячи поляков, ворвались в Кремль. Лжедмитрий, спасаясь от преследователей, выпрыгнул из окна кремлевского терема, но был настигнут и убит.

На трон был посажен выборный от бояр — Василий Иванович Шуйский (1606—1610 гг.). Однако воцарение боярского ставленника не принесло спокойствия стране. Борьба народа против угнетателей продолжалась, поскольку боярский царь и не думал улучшить его положение. На 1606—1607 гг. приходится кульминационный этап крестьянской войны под предводительством Ивана Исаевича Болотникова. С большим трудом правительству Шуйского, не раз оказывавшемуся на грани падения, удалось разгромить восставших крестьян.

Между тем в стране разгоралось национально-освободительное движение. Отряды польской шляхты и тушинцев с целью грабежа проникали в отдаленные уголки России. Насилие интервентов, пришедших с очередным Лжедмитрием II, воочию убедило русское население, что несет им новоявленный «царь». С конца 1608 г. в стране возникло партизанское движение. Ряд городов восстал и не признавал власти польского ставленника. Города Ярославль, Кострома, Коломна и другие освободились от захватчиков. Польские интервенты получали повсеместный

отпор. Доблестно в течение 16 месяцев (с сентября 1608 г.) сражалась крепость Троице-Сергиева монастыря. Успешно выдерживала наскоки тушинского воинства Москва. Тем временем польский король Сигизмунд III, усмотрев закат «тушинского вора», решил взять инициативу в свои руки. Под предлогом, что русское государство заключило 28 февраля 1609 г. Выборгский мирный договор со враждебной Польше Швецией, он двинул 10-тысячное коронное войско к Смоленску. Воевода Михаил Шеин, имея 4 тысячи ратников, закрылся в городе. В защите Смоленска приняли участие и его жители. Король подтянул к крепости еще 30 тыс. воинов, но Смоленск устоял и польское войско надолго застряло под городом.

Заключив договор со Швецией, русское правительство предприняло попытку освободить страну от захватчиков. Во главе русского войска был поставлен талантливый 23-летний полководец М.В. Скопин-Шуйский, племянник царя. Русские войска под его руководством провели ряд успешных операций против интервентов. Но при подготовке русской рати к походу на Смоленск молодой полководец умер при загадочных обстоятельствах. Согласно молве, он был отравлен. Царь ревниво относился к растущей популярности племянника. Однако брат царя Д.И. Шуйский не выполнил задачу по освобождению Смоленска.

В июле 1610 г. под Клушиным (недалеко от Гжатска, ныне г. Гагарин) русские войска потерпели поражение от поляков. И в этом сражении отличилась стрелецкая пехота. Поляк Самуил Маскевич, находившийся в войске интервентов, свидетельствовал: когда дворянская конница Д. Шуйского была опрокинута, стрельцы в лагере «стояли крепко», не допускали к себе. «Наши сила иссякали», — в отчаянии писал Маскевич (3), но предательство шведского наемного отряда под командованием Я. Делагарди и бегство Д. Шуйского с поля боя вынудили стрельцов отступить к Москве.

Борьба с интервентами потребовала от правительства России создать сильную армию, но В. Шуйский не проявил должной организаторской способности. И за это поплатился — он был свергнут с трона. Более энергично действовали воеводы, не связанные со столичной аристократией и с царским окружением.

Рязанский воевода П.П. Ляпунов смог создать Первое народное ополчение и хотя оно распалось в 1611 г., мысль о всенародном вооружении не исчезла.

Д.М. Пожарский и К. Минин проявили истинный патриотизм и энергию в организации Второго ополчения и в 1612 г. оно освободило столицу России — Москву.

XVII в. предъявил к русскому войску жесткие требования — быть постоянно готовым к отпору внешним врагам.

События XVII в. показали огромное значение пехоты, вооруженной огнестрельным оружием. «Огневой бой» стал внедряться и в русскую конницу. С 1643 г. царские указы предписывали дворянам являться на службу с карабином и с парой пистолей. Возросла потребность и в артиллерии. «Наряд» с обслугой насчитывал в середине XVII в. до 4,5—5 тыс. человек.

Известно, что до середины XVII в. ядром вооруженных сил русского государства являлось поместное ополчение. В борьбе против иноземных захватчиков в начале XVII в. выявились невысокие боевые качества поместного войска. Оно оказалось неспособным обеспечить надежную оборону страны от внешних врагов.

В 30—40-х годах XVII в. в России были проведены военные реформы, цель которых состояла в том, чтобы увеличить численность, улучшить организацию и повысить боевую подготовку русского войска.

Первоначальный Разрядный приказ в 1630 г. разослал в крупные города России указ о наборе боярских детей, а затем и вольных охочих людей, годных к службе, в солдатские полки. Вооружались и содержались солдаты за счет государственной казны. В период службы под знаменами им полагалось жалование.

В 1633 г. был образован приказ Сбора даточных людей. В его обязанности входило комплектование из крестьян и посадского населения (1 человек от 20—25 дворов) контингента войсковых частей, предназначенных для устройства и ремонта засечных линий. В период военных действий они исправляли дороги и несли обозную службу. В 1654 г. дела приказа были переданы в Разрядный и Рейтарский (1649—1686 гг.) приказы. Из даточных людей начали формировать полки «нового строя».

С 1637 по 1654 гг. функционировал приказ Сбора ратных людей, который формировал солдатские (пехота) и драгунские (конная и пешая служба) полки «нового строя». Они комплектовались из населения порубежных деревень и городов по 1 чел. от 3—5 дворов для несения воинской службы на засечных линиях. Полки собирались весной, а осенью их распускали. С 1649 г. обязанности по комплектованию полков «нового строя» — рейтарских, драгунских и солдатских также возлагались на созданный Рейтарский приказ. Так, постепенно в ходе реформ создавались полки «нового строя». Они состояли из конных и пеших полков. Конные полки подразделялись на драгунские и рейтарские. Драгунская конница была обучена действиям в конном и пешем строях, тогда как рейтары сражались только в конном строю. Кроме того, в составе войск «нового строя» имелась в небольшом количестве легкая конница — гусары.

Пешее войско составляли солдатские полки, вооруженные мушке-

тами и бердышами. В качестве защитного вооружения иногда употреблялись латы.

Войска «нового строя» получили единую организацию. Все полки, как конные, так и пешие, имели по 10 рот. В конных ротах числилось по 100 чел., в пеших — по 160 чел. Войска комплектовались из вольных и охочих людей. Поступившие на службу в армию получали от государства вооружение, денежное жалование, а многие — земельные наделы.

В мирное время солдаты жили по домам, им разрешалось заниматься торговлей и разными промыслами. Часть солдатских полков находилась на постоянной службе, составляя, наряду со стрельцами, постоянное войско.

Ежегодно в течение одного месяца полки нового строя собирались в крупные города для воинского обучения, которое велось по уставам. До нас дошли два устава того времени: «Устав ратных, пушечных и других дел» (1607 и 1621 гг.) (5) и «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647 г.) (6).

В «Уставе ратных, пушечных и других дел» говорилось об обучении и дисциплине войск, о вождении войск на театре военных действий, о боевых и походных порядках, взаимодействии войск в бою, устройстве лагерей, организации и движении обозов, способах овладения крепостями и их обороне. Большое число статей было посвящено артиллерийским вопросам и правилам стрельбы, что свидетельствует о важном значении, которое приобретал этот род войск.

В Уставе неоднократно подчеркивалась мысль о необходимости повседневного обучения войск. Только «ежедневное навывание, — говорится в одной из статей, — дает или приносит мастерство». Большое внимание уделялось также соблюдению воинского порядка и дисциплины. От воинов требовалась взаимная поддержка в службе «делом и разумом». За измену и передачу тайн врагу, за грабеж, убийство мирных жителей, утерю оружия в боевых условиях виновные подвергались смертной казни.

Войско, говорилось в Уставе, всегда должно быть готово к войне. Маневр войск, который совершается с целью разгрома врага, должен быть быстрым, так как медлительность «портит многие домисды». Противнику необходимо наносить стремительные удары, а также предохранять свои войска от внезапного нападения врага.

Другой устав — «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» — был издан в 1647 г. В нем излагалась организация роты и полка, описывались приемы обращения с мушкетом и пикой, определялись боевые и походные порядки. Устав резко выступал против западноевропейского наемничества. «Нигде такого бесчинства не сы-

щешь, — говорилось в нем, — как в германских, сиречь, цесарских региментах». Наемники способны лишь на «свары и брани, кражу и грабеж». Наемничество не соответствовало задачам обороны страны, оно было чуждло воинским традициям русского народа.

В 1642 г. из лучших выборных (отобранных) стрельцов в Москве сформировали два солдатских полка: Бутырский и Московский. Они жили в солдатских слободах: в Бутырках и за Яузой, напротив немецкой слободы. Солдаты выборных полков проходили ежедневное обучение и находились на казарменном положении. Эти полки, как и московские стрельцы, образовали ядро будущей русской регулярной армии. Бутырским полком командовал И.О.Кравков, а с 1687 г. — генерал П.Гордон; Московским — с 1661 г. А.А.Шепелев, а с 1692 г. — Ф.Лефорт. Следует отметить, что из этих полков и стрелецкого Л.П.Сухарева полка в 1687 г. образовались Преображенский и Семеновский полки — будущая гвардия регулярной русской армии. По существу московские выборные солдатские полки, укомплектованные стрельцами, явились прообразом частей регулярной армии, находящейся на полном содержании государства и проходившего постоянную военную подготовку. В 1681 г. эти полки, а вернее — корпуса, имели 52—60 рот по 100 человек и были разделены в свою очередь на 3—4 полка. Командовали Бутырским и Московским полками, а точнее корпусами, генералы; полками, входящими в корпуса — полковники. В целом верное направление по способу комплектования и обучения московских полков еще не могло найти полного развития в тот период. Обеспечение дворянской конницы и стрельцов стоило дешевле, чем содержание полков «нового строя». Чтобы смягчить напряженность государственного бюджета, правительство вынуждено было сохранять ратных людей в старом составе (7).

Несмотря на крупные изменения в организации вооруженных сил, происходивших в XVII в., русское войско еще не сложилось в качестве армии, обладавшей всеми признаками регулярности. И нет оснований утверждать, как это делает в своей книге А.В.Чернов, что полки нового строя «являлись регулярным войском» (8).

XVII век являлся важным периодом в строительстве русской армии. Военные реформы Петра I были подготовлены всем предыдущим развитием Русского государства. Они основывались на прочном фундаменте, созданном его предшественниками. Постоянная служба стрелецкого войска, зародившаяся при Иване IV, явилась первым и главным признаком создания в дальнейшем регулярной русской армии.

По сути дела в XVI—XVII вв. единственным постоянным войском в этот период была стрелецкая пехота. Следующим этапом в развитии постоянного войска явились солдатские выборные полки, которые в отли-

чие от стрелецких были переведены на казарменное положение. Однако государство могло их содержать в ограниченном количестве: в середине XVII в. — два полка, а в конце века — только четыре. Они носили все признаки регулярного войска, но способы их комплектования оставались прежними — из вольных и охочих людей, а главным образом — набор из стрелецких полков. Остальные солдатские полки «нового строя» формировались только в военное время, что значительно снижало их боевой потенциал. Военный историк П.О.Бобровский совершенно справедливо писал, что если армия после войны распускается по домам, «там войско всегда остается не выученным, не приспособленным к военному делу».

Стрелецкое войско, ударная сила в войнах XVI—XVII в., в конце XVII в. стало постепенно терять свое значение и этому явлению были свои причины. Оно стало доукомплектовываться людьми (в том числе и дворянами), сосланными в него за различные преступления. Сотенные головы и полковники облагали стрельцов налогами и поборами, часто злоупотребляя своим положением. Основная масса стрельцов, не получая жалованья, кормилась «черной работой». Полицейские функции, возложенные на них, не вызывали энтузиазма. Стрельцы часто выступали на стороне угнетенного люда. В итоге тяготы службы, разорение и недовольство своим бытом привели к стрелецким восстаниям в 1682 и 1698 гг., которыми воспользовались боярские кланы в своих корыстных интересах.

П.О.Бобровский указывал: «Государство лишается спокойствия и силы, когда от неисправного содержания солдата расстраивается благосостояние армии, когда от злоупотреблений по довольствию войск нарушаются интересы государственной или общественной казны, когда, вследствие самоуправства военнoслужущих, наносится ущерб праву собственности граждан. Во всех подобных правонарушениях колеблется авторитет власти, подрывается дисциплина и в военный быт вносятся деморализация, губящая самую сильную армию» (10). Предостережение весьма серьезное — в стрелецком восстании 1698 г. участвовал и солдатский полк Жданова.

Тем не менее стрелецкие полки оставались наиболее боеспособной частью войска даже в конце XVII в. По условиям службы стрелецкие полки, как постоянное войско, можно с полным правом назвать более регулярными частями, чем полки солдат, распускаемыми после окончания военных действия «по домам». К тому же стрельцы не стояли в стороне от новых веяний в военном деле и не предназначались, как ошибочно утверждают некоторые историки, «для внутренней охраны государства» (11). Петр I, несмотря на свою неприязнь к стрельцам, наибо-

лее подготовленные кадры перевел в состав регулярной армии, других, не подвергшихся наказанию, отослал в городовые стрельцы, создал гарнизонные войска. В целом, стрелецкие полки просуществовали до конца первой четверти XVIII в., но их время прошло. Однако постоянная стрелецкая служба была предшественником создававшейся регулярной армии. Своего же полного развития и становления регулярные войска достигли в период окончательного утверждения абсолютной монархии — в эпоху Петра Великого.

* * *

Реформы в русском войске в XVII в. предопределяли создание регулярной армии, комплектуемой по единому принципу, вооружаемой и содержащейся за счет государства, но это стало возможным только при окончательном утверждении абсолютизма.

Русская армия, готовясь к возвращению Смоленска, захваченного Польшей, проводила учения. С этой целью русское правительство приглашало иностранных офицеров на службу, нанимало иностранных солдат. Но во время Смоленской войны (1632—1634 гг.) иностранцы показали себя не с лучшей стороны. Многие из них переходили на службу в польские войска. Пришлось обратиться к национальной основе обучения и набора в войсках. Русское правительство, озабоченное охраной границ, начало набирать ратных людей в полки нового строя. В 1649 г. из крестьян стали формировать пашенных солдат. Им выдавали казенные мушкеты и шпаги. С переходом от частных к общегосударственным призывам даточных людей русская армия численно возрастала. В 1661—1663 гг. на службе находилось: 42 солдатских полка — 24 377 офицеров и рядовых; 8 драгунских полков — 9 334; 22 рейтарских полка — 18 795 чел.; два полка копейщиков — 1 185 и один полк гусар — 757 чел. В 1661—1663 гг. во всех стрелецких приказах числилось 48 263 чел. Из росписи видно, что основным ядром войска становилась пехота.

В XVII в. изменилась организационная структура русского войска. Унаследованное от XVI в. деление армии на «полки» было заменено «разрядами». Русская армия состояла из разрядов — корпусов войск, имеющих определенную самостоятельную стратегическую задачу.

Во главе разряда назначался воевода, который подчинялся главному воеводе. При главном воеводе (главнокомандующем) формировался походный штаб, в состав которого стали включаться от каждого полка (стрелецкого, нового строя) «сторожеставцы» и «станоставцы». Они возглавляли разведывательные отряды, определяли места для рас-

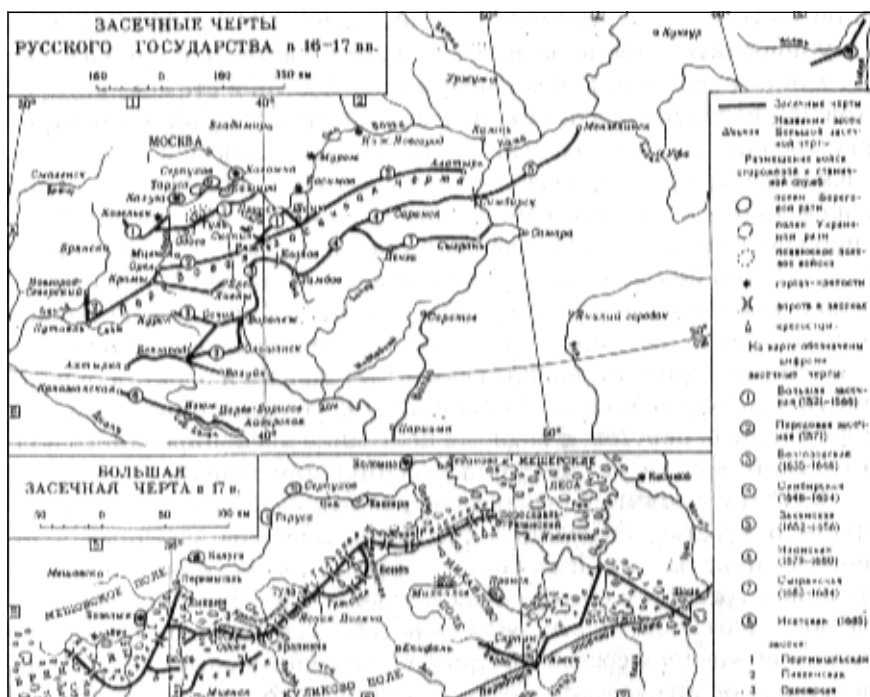

Воевода в зеркале, в приволоке и в ерихонке.

положения войск (лагери, станы). Так совершенствовалась, говоря современным языком, служба генерального штаба. В Уставе от 1621 г. указывалось, что в обязанности окольного (в конце XVII в. — квартирмейстера) вменялось: «А коли доведется с стану подыматься (войску) и ему на перед посылать по дороге добных конных вестовщиков дозираши всех мостов и стежек, которые в той земле ведуща были (т.е. велась разведка всех дорог по маршруту следования войск)». Так же предписывалось при устройстве войскового лагеря сторожевому полку «стояли ополчаться». В штабе непременно действовала канцелярия (дьяки), осуществлявшая делопроизводство и разрабатывавшая указания главнокомандующего подчиненным ему воеводам. Главный воевода получал от царя, боярской Думы наказ — каким образом вести войну, где действовать объединенными полками — разрядами. Таким образом, «разряд» — как военный корпус становился самостоятельным и обретал определенную свободу действий. В конце XVII в. разряды приобрели значение военных округов, в которых постоянно дислоцировались полки русского войска, готовые к отражению противника.

В XVII в. значительный шаг вперед был сделан в военно-инженер-

ном искусстве, особенно в стратегии обороны засечных черт. Опорные пункты засечных черт — города-крепости, как правило, строились с расчетом обеспечения активной круговой обороны. Прекрасное знание местности, учет особенностей рельефа позволили русским инженерам создавать крепкие оборонительные сооружения, представляющие серьезные препятствия для конницы кочевых народов. Особого внимания заслуживает расположение русских войск, несших службу по охране засечных черт. Основные силы — полки разрядов (Белгородского, Северского (Севского), Рязанского и др. — всего 9) располагались за пределами засечной черты. Немногочисленные гарнизоны несли охранную службу непосредственно на черте. В случае набега они оповещали

воевод разрядов о количестве и направлении набега и стремились сковать, задержать противника на черте. Пользуясь этим, полки разрядов стягивались к месту предполагаемого прорыва, а если он осуществлялся, то брали отряды противника в кольцо и ликвидировали набег. При этом гарнизоны на засечной черте прилагали все усилия, чтобы не выпускать противника обратно. Благодаря такой системе охранения отряды крымских татар во второй половине XVII в. прекратили набеги на Русское государство. В XVII в. были заложены основы правильной обо-

роны границ России и зародилась гарнизонная служба, получившая дальнейшее развитие в XVIII в.

Совершенствовалась тактика русского войска, причем на национальной основе. По этой причине весьма странными выглядят утверждения о том, что все изменения в русской армии XVII в. происходили под воздействием иностранных заимствований.

Профессор Чикагского университета Ричард Хелли в своей объемной монографии утверждает, что тактика русского войска в первой половине XVII в. являлась «татарской», а затем переориентировалась на тактику западноевропейских армий. Только иноземное влияние повлекло реформы в русской армии — создание полков нового строя, тактики, качественный и количественный рост артиллерии, становление военно-инженерного искусства (12). Взаимодействие опыта никто не отрицает, но в развитии русского военного искусства в XVII в. ярко прослеживается его самобытность, национальная основа.

И если говорить об иноземном влиянии на боевую подготовку русских войск, то следует отметить и негативные стороны такого опыта. И.Т. Посошков свидетельствовал, что под Азовом в 1695 г. произошел конфуз: при атаке татарской конницы «на русский пехотный Швартов полк» иноземный командир приказал стрелять всему полку сразу. Татары смяли солдат и, как «овец погнали» в свою землю вместе с полковником. Подобных промашек стрелецкая пехота не допускала за всю историю своего существования. Она всегда имела в резерве одну линию (из двух-четырех шеренг), готовую применить холодное оружие, что придавало устойчивость боевому порядку.

Относительно создания полков «нового строя» прав был советник Петра I князь Я.Ф. Долгорукий, который в 1717 г. сказал царю: «Этим делом (военным — авт.) отец твой многие похвалы заслужил и великую пользу государству принес, устройством регулярных войск путь показал; но после него неразумные люди все его начинания расстроили, так что ты почти все вновь начинал и в лучшее состояние привел».

Достаточно указать, что в составе петровской армии во время Азовского похода 1695 г. находилось всего 4 регулярных и несколько других солдатских полков — 14 тыс. человек из 30 тыс. ратников. Кроме этого, в походе участвовало 120 тыс. дворянской конницы, что свидетельствовало о вынужденном возврате к старому способу комплектования.

Петру I пришлось заново пройти путь строительства вооруженных сил, с учетом опыта, приобретенного в течении всего предшествующего периода.

Таким образом, XVII век являлся важным периодом в строительстве русских вооруженных сил и развития национального военного искусства.

Литература

1. Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С.194.
2. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С.47.
3. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч.2. С.39—40.
4. Палицын А. Сказание. М., 1774. С.244.
5. Устав ратных, пушечных и других дел... в 663 указах... СПб., 1777. Ч.1; СПб., 1781. Ч.2.
6. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904.
7. Чернов А.В. Зарождение регулярной армии в России. Военная мысль, 1950, № 8. С.70.
8. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954. С.155.
9. Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. СПб., 1885. С.106.
10. Там же. С.1.
11. См.: Епифанов П.П. Войско. В кн.: Очерки русской культуры в XVII веке. М., 1979. Ч.1. С.251.
12. Hellie R. Enserfment and Military Change in Moscow. Chicago. 1971. pp.30—32; 168, 178, 180—181.

3. Подвиг россиян

Насилия интервентов, пришедших с лжецарями, вызвали в стране национально-освободительное движение. С осени 1608 г. повсеместно возникали отряды партизан, боровшиеся с войсками захватчиков. Польские войска и изменники не получили поддержки со стороны русского народа. Устюжане предупреждали сольвычегодцев: «не спешите крест целовать (присягать)» приспешнику польских магнатов — Лжедмитрию II (1). О растущем сопротивлении сообщали и польские воеводы. Ян-Петр Сапега с горечью признавал, что стоят владимирцы за засеками и болотами «и взять у них языков (пленников) невозможно, а стоят собранием не в одном месте». Города Ярославль, Кострома, Коломна и другие изгнали захватчиков и не признавали их власти. Воинство Лжедмитрия II, состоявшее из польской шляхты и разного рода авантюристов, насчитывало по некоторым данным около 40 тыс. человек, приближалось к Москве. В июне 1608 г. оно остановилось в Тушино (в 17 км от Кремля), за что самозванец получил в народе прозвище — «тушинский вор». 25 июня 1608 г. попытка тушинцев взять Москву была отбита войсками В.И.Шуйского. И вояки тушинцев надолго застряли

под столицей. К ним переметнулись многие русские бояре, образовав в Тушинском лагере «правительство». Но «тушинские переметы» не обладали реальной властью. Польские магнаты являлись главной силой в лагере самозванца.

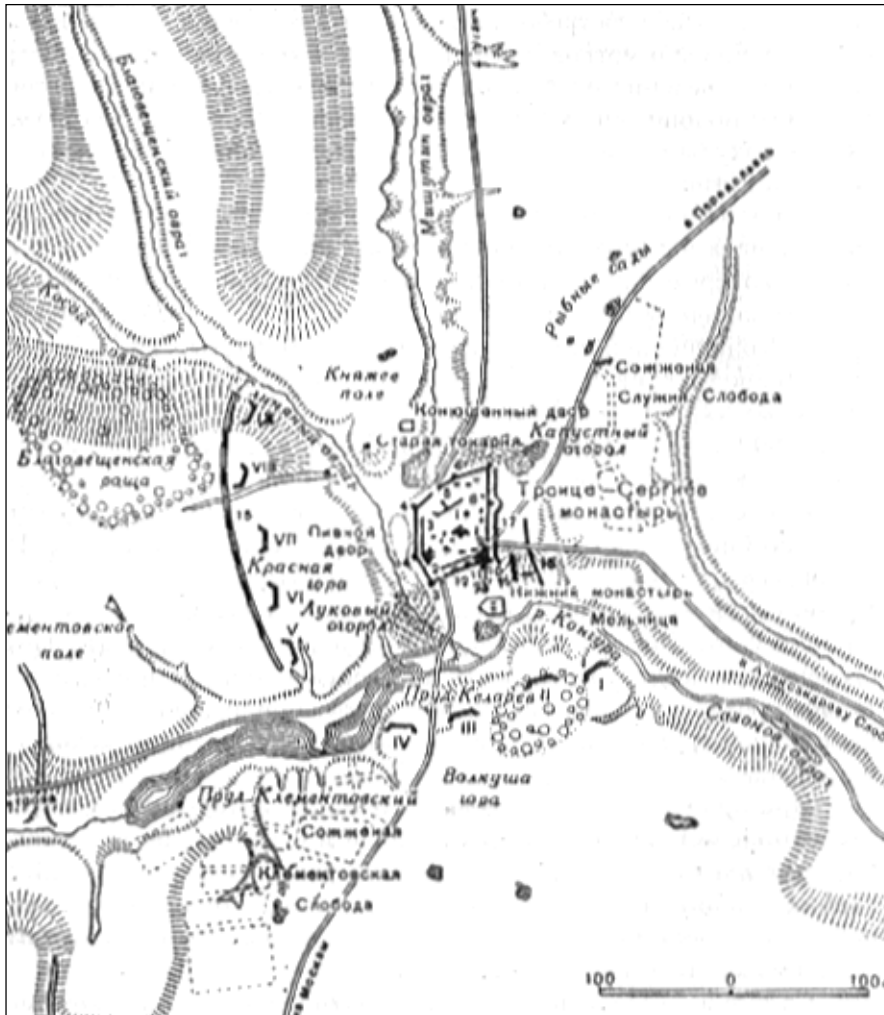
Ян Сапега (он привел с собой 14-тысячный отряд поляков) и авантюрист А.Лисовский с 20-тысячным войском и 63 орудиями двинулись к Троице-Сергиеву монастырю с целью отрезать Москву от северных районов и лишить столицу помощи.

23 сентября 1608 г. со стороны Московской дороги появилось войско интервентов. Вскоре они достигли предместий монастыря, которые сожгли само защитники крепости. Они предали огню слободы и строения, чтобы противнику негде было укрыться.

В некоторых местах стена высотой от 8 до 15 метров, окружавшая обитель была относительно невысокой — всего до 5 метров. Но в целом, имея по периметру длину стен до 1250 метров, крепость выглядела внушительно. Она была усилена тринадцатью башнями: на углу западной и северной сторон находилась Плотничья; на севере и северо-востоке — Конюшенная с воротами, а также Соляная, Кузнечная и Наугольная (на Переславльской дороге); на востоке — Сушильная, Красная с воротами, Житничья, Наугольная (на Московской дороге); на стыке восточной и южной сторон — Пятницкая; на юге — Луковая и Водяная с воротами; на западе —

Погребная. Стены монастыря, выложенные из твердого камня, в полной мере отвечали требованиям обороны того времени. Они имели молщину более 6 метров, разделялись по высоте на ярусы с отверстиями для ведения огня. В башнях было устроено три вида боев (бойниц): подошвенный, средний и верхний. Последний находился уже наверху башен и стен на одном уровне с зубцами, поверх которых шла крыша.

С восточной стороны монастырь окаймлял лесной массив, а с юга и запада непосредственно за стеной находились монастырские пруды, которые служили также дополнительной защитой. Кроме того, на западной стороне против Погребной башни и на северной против Конюшенной находились каменные монастырские постройки — пивной и конюшенные двory, которые также выполняли роль передовых укреплений. Всего ратных людей в монастыре насчитывалось 609 чел. под командой воевод Григория Долгорукова и Андрея Голохвостова. Кроме них в монастырь пришли крестьяне окрестных деревень, посадские люди с женами и детьми. И все мужчины, способные владеть оружием, встали на защиту монастыря. Их насчитывалось около 2400 человек. В монастыре стало очень тесно. Кроме семей крестьяне пригнали под защиту его стен и весь домашний скот. Так что многолюдство имело и свои

Схематический план осады Троице-Сергиева монастыря (с чертежа XVII в.)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1 — Успенский собор. 2 — Троицкий собор. 3 — Келарская и казенная палаты. 4 — Плотничная башня. 5 — Коношен-
ные ворота. 6 — Звонковая башня. 7 — Северо-восточная угольная башня. 8 — Сушильная башня. 9 — Святые или
красные сараи. 10 — Юго-восточная угольная башня. 11 — Южная башня. 12 — Водяные ворота. 13 — Водяная
башня. 14 — Келарная башня. 15 — Параллель, заложенная с 30 сентября на 1 октября 1608 г. 16 — Подступный ров,
начатый вновь с 6 на 7 октября 1608 г. 17 — Ров перед стеной, выкопанный осажденными в октябре 1608 г. 18 —
Западная стена, выведенная за Юго-восточной башней в ноябре 1608 г.
I—IX — неприятельские батареи.

отрицательные стороны при осаде. Скученность предвещала болезни, а продолжительная осада — голод. Но русские люди, пришедшие в крепость, думали не о трудностях, а о надежной защите обители от незваных пришельцев.

При приближении передовых разъездов интервентов храбрые защитники монастыря в пешем и конном строю ударили по ним. Стремительная и неожиданная вылазка увенчалась успехом. Противник в панике отхлынул к основным силам, потеряв в рукопашной схватке многих своих людей, а осажденные без потерь вернулись в крепость и закрыли все ворота.

Сапега и Лисовский со свитой шляхтичей объехали вокруг монастыря. Осмотр сопровождался музыкой, стрельбой и похвальбой, обращенной к защитникам крепости. Затем Сапега стал на западной, а Лисовский со своими воинами занял юго-западную сторону.

Разделившись, интервенты начали строить себе лагерь, поставили частоколы, создали временные укрепления и перерезали пути к обители так, чтобы никому нельзя было миновать их заставы.

А защитники крепости в ночь на 25 сентября дружно приступили к постройке жилищ, так как много людей оказалось без крова. Заготавливали деревья и камни, делились чем могли.

По древнему обычаю, как всегда бывало перед трудными и жестокими испытаниями, на военном совете решили: всем целовать крест и сидеть в осаде без измены. Первыми приняли присягу воеводы Долгорукий и Голохвастов, за ними — дворяне, дети боярские, слуги монастырские, стрельцы... Как писал современник событий монах Авраамий Палицин, «с тех пор в городе было великое братолюбие, и все с усердием, без измены, бились с врагом».

Головами (начальниками сотен) назначили старцев (старших монахов) и опытных в военном деле дворян, разделили между ними участки городских стен, башни и ворота, поставили орудия по башням и по бойницам ярусов, чтобы каждый из них знал и охранял свою сторону и место, устраивал все, что было необходимо для боя, и бился бы со стены с осаждавшими. Воеводы повелели, чтобы никто из защитников без позволения не смел выступать на вылазку.

29 сентября польские и литовские воеводы со своими первыми советниками и русскими изменниками — выходцами из Тушинского лагеря, долго размышляли и спорили о том, каким образом взять монастырь или, пользуясь хитростью, овладеть им. Одни предлагали взять крепость приступом, поскольку-де стены ее низки. Другие предпочитали уговором склонить защитников к сдаче монастыря. А если, мол, «не убедим их, то подведем подкоп под городскую стену и без крови смо-

жем овладеть крепостью».

Сапега и Лисовский утвердили второе предложение и 29 сентября послали в крепость парламентаря с листом: «Пишем к вам, жалуючи (жалея) вас, покоритесь царю Дмитрию Ивановичу, сдайте город, будете зело пожалованы от царя Дмитрия Ивановича, как ни один из вас великих ваших не пожалован от Шуйского; а если не сдадите, то знайте, что мы на то пришли, чтобы, не взяв его, не уходить отсюда; сами ведаете, сколько городов мы взяли; и Москва и царь ваш в осаде. Мы в том ручаемся, что не только будете наместниками в Троицком городе, но царь даст вам многие города и села в вотчину; и не сдадите города, и мы возьмем его силой, тогда уж не один из вас в городе не увидит от нас милости».

В письме, адресованном архимандриту Иосифу, упоминалось, что Иван IV был очень милостив к монастырю и к его монахам, а они, неблагодарные, не желают добра его сыну Дмитрию. Заканчивалось письмо следующими словами: «Пишем тебе словом царским, святче архимандрите: прикажи попам и монахам, чтобы они не учили войско противиться царю Дмитрию Ивановичу, и молили бы бога за него и за царию Марию Юрьевну (Мнишек), а нам город отворили без всякой крови; а не покоритесь, там мы зараз возьмем замок ваш и вас, беззаконников, порубаем всех!».

Военный совет защитников монастыря и представители ополчения не долго раздумывали над ответом. Они составили следующее послание: «Темное державство, гордые военачальники, Сапега и Лисовский, и прочая дружина ваша! Десятилетняя отроча (десятилетний ребенок) в Троицком Сергиевом монастыре посмеется вашему безумному совету. Мы приняли писание ваше и оплевали его. Что польза человеку возлюбить тому паче света, променять честь на безчестье, ложь на истину, свободу на рабство, истинную веру греческого закона оставить и покориться новым еретическим законам, отпадшим от христовой веры, проклятым от четырех вселенских патриархов?... Богатства всего мира не возьмем за свое крестное целование».

30 сентября Сапега и Лисовский получили лист с отказом и, придя в ярость от полных сарказма строк, приказали войску готовиться к штурму крепости со всех сторон. Защитники монастыря также предпринимали все необходимое для отпора.

В ночь на 1 сентября интервенты прикатили много больших осадных башен и поставили артиллерийский наряд: первые башни — за прудом на горе Волкуша с южной стороны; вторые — за прудом подле Московской дороги; третьи — за прудом в роще на юго-восточной стороне; четвертые — на Крутой горе против мельницы; пятые, все с юго-западной стороны, — на Красной горе против Водяной башни; шестые — на

Красной горе против погребов и пивного двора; седьмые — на Красной горе против палат келарских и казенных на западной стороне; восьмые — в роще на Красной горе против Плотницкой башни с северо-запада; девятые — на Красной горе около оврага и против башни Конюшенных ворот на северной стороне. Между батареями по всей их линии вырыли глубокий ров, а из выкопанной земли насыпали высокий вал, по которому передвигались конные и пешие воины.

3 октября противник приступил к интенсивному обстрелу монастыря, который не прекращался ни днем, ни ночью. Применялись раскаленные железные ядра. Но они не могли зажечь монастыря. Огненные ядра падали на пустые места и в пруды. Защитники без вреда вынимали их из деревянных построек. А каменные стены не поддавались ударам ядер.

Ратники, стоявшие до этого на стенах города, сошли вниз. Некоторые из них укрылись во рвах и ямах. Наверху остались лишь дозорные, обязанные вовремя сообщить о начале приступа. Опаснее всего было пушкарям, которые находились у орудий на башнях монастыря. От стрельбы стены огады тряслись, осколки камней рикошетом били по орудийной прислуге.

Башни и стены устояли, несмотря на то, что враги стреляли с утра до вечера. Сказалась, видимо, небольшая мощность осадных орудий, да и поставили их без точного расчета, далеко от стен. Ядра, долетавшие до цели, теряли ударную силу и не приносили ощутимого вреда крепостным стенам. Ядра лишь высекали искры, но не разрушали монастырской огады.

И тогда 6 октября противник начал рыть траншеи с восточной стороны по направлению к Красным воротам. Траншеи закрывались сверху досками и присыпались землей. 12 октября осаждавшие повели подкопы и под угольную Пятницкую (Круглую) башню.

13 октября Сапега устроил большой пир для всего своего войска. Весь день раздавалась разудалая, веселая музыка и стрельба.

Когда стало вечереть, толпы разнородных всадников повалили из лагеря с развернутыми знаменами: поляки, литовцы, татары, казаки и русские изменники. Артиллерия, окружавшая монастырь, возобновила интенсивный огонь по его защитникам. Пехотинцы противника на катках и колесах двигали к стенам тараны, за которыми они укрывались от выстрелов пищальников с крепостных стен, несли штурмовые лестницы для приступа. Хмельные атакующие толпы шли в сопровождении музыки — психическая атака XVII века.

Авраамий Палицын записал: «В эту ночь, в первом часу, много пеших и конных литовских и русских изменников во всех сторон устремились к монастырю с лестницами, осадными орудиями и таранами и с

музыкой стали подступать к городу.

Горожане бились с ними с городских стен, а также из множества пушек и пищалей и, сколько могли, много побили литовцев и русских изменников, не дали им подойти близко к городу и причинить ему какой-нибудь вред» (2).

Но противник не унимался. Некоторые наиболее рьяные наездники приближались к стенам монастыря и кричали защитникам: «Видите ли наше множество? Вы губите себя напрасно, сдайтесь!» В ответ осажденные сами делали вылазки. 19 октября осаждавшие пришли в огород брать капусту. Увидев что их мало, защитники крепости быстро спустились с городских стен по канатам и побили любителей капусты, а затем вернулись в монастырь.

А 21 октября в третьем часу ночи, когда осажденные не ожидали штурма, загремело множество пушек, и многочисленное войско противника с громким криком бросилось со всех сторон к городским стенам. Готовясь к атаке, они собрали много бревен, дров, хвороста, соломы, смолы с березовой коры и подожгли острог защитников у пивного двора. Под прикрытием дыма и пламени ринулись на штурм все вражеские полки.

Но ратники Троице-Сергиева монастыря не позволили застать себя врасплох. Они «из пушек и пищалей много побили литовцев, погасили их огонь и не дали разрушить острог; также и с других стен крепости опрокидывали козы с взваром (котлы с кипятком) и побили много литовских людей, потому что те близко подошли к городу». Воеводы князь Григорий Долгоруков и Андрей Голохвастов со всем войском произвели вылазку за стены монастыря — за заставы ротмистра Ивана Брушевского. Заставу перебили, а пана Брушевского взяли в плен. Целую роту противника смяли и гнали вплоть до оврагов, окружавших монастырь.

Враг спешно выслал подкрепление, и защитники монастыря без паники отступили и вошли в город «все здоровы и совершенно невредимы».

Брушевский на допросе сообщил, что под городскую стену и башни ведутся подкопы, но под какие места они идут, он не знает. «Наши гетманы, — сказал Брушевский, — на том стоят, что возьмут они крепость Троицкого монастыря, сожгут ее огнем, церкви разрушат до основания, а монахов будут мучить разными пытками и всех людей побьют. И, не взявши монастыря, в другое место уходить не будут; стоять год и два и три, лишь бы взять монастырь и разорить его».

После неудачи уязвленный неприятель пришел в сильную ярость. Интервенты стали досаждают защитникам. Устраивая засады, не давали горожанам черпать воды для себя и для скота. Сильно беспокоила угроза подкопов под стены. Воеводы после совета с ратниками реши-

ли копать «слухи» — траншеи для обнаружения вражеских взрывных галлерей. За это взялся троицкий слуга (работник) Влас Корсаков, весьма искусный в своем деле знаток.

Когда осаждавшие увидели, что из крепости копают контрминный ров, к нему устремилось множество пехотинцев противника. Они напали на рабочих, но из крепости на этот объект было нацелено много пушек. Их выстрелы остановили нападавших. К месту схватки спешили ратники из крепости, которые «многих врагов побили, многих живыми взяли и привели в город».

Уцелевшие обратились в бегство. Воеводы приказали допросить пленников. Те подтвердили показания Брушевского и сказали, что действительно их военачальники надеются овладеть городом при помощи подкопов и частых штурмов; подкопы уже подведены под башни и под городскую стену, а взрывы назначены на 12 ноября, но в какое место ведут, они того не знают.

1 ноября из монастыря устроили конную и пешую вылазку. В жестокой сече пало множество воинов с той и другой стороны. Защитники потеряли в тот день 190 человек, но все же в подкопном рву они захватили пленников, что и являлось главной целью вылазки. Осажденные решили во что бы то ни стало добыть сведения о подкопах, поскольку «во всем городе стояло тогда большое уныние: до всех дошел слух, что литовские люди ведут подкопы, но никак не могли узнать о том, под какую стену или башню их ведут; таким образом все видели перед своими глазами смерть». Но ни эта, ни другие схватки не дали результата. Русские воины брали пленников и приводили их в город, но никак не могли дознаться у них, где ведется подкоп.

4 ноября, невзирая на опасность, осаждавшие снова начали заниматься своим делом, чтобы подвести подкопы под стены монастыря. И снова вышли из города пехотинцы и, отогнав противника, прорвались к подкопному рву. Разгорелся сильный бой. Было убито и ранено много монахов и стрельцов. Но не зря рисковали осажденные. Они захватили в плен раненого казака и тот на допросе показал, что действительно, подкопы почти готовы, а на Михайлов день (8 ноября) собираются поставить зелье под стены и башни. Воеводы водили его по городской стене — он указывал места, под какую башню и стену ведут подкоп. Изнемогая от множества ран, казак попросил привести священника и после причастия скончался.

В ночь на 5 ноября в Троицкий монастырь перебежал из лагеря противника казак Иван Рязанец. Он подтвердил показания умершего и указал на Пятницкую башню, под которую велся подкоп.

Воеводы приказали защитникам срочно возводить вал и строить деревянные срубы против башни и вокруг нее. Если бы врагу удалось

взорвать башню, то ратникам, укрываясь за укреплениями, надлежало отбить атаку противника. Кроме этого осажденные расчистили старый потайной выход из крепости на восточной стороне у Сушильной башни.

Приближался роковой Михайлов день. По-прежнему продолжался обстрел крепости, но 8 ноября взрыва не последовало. Однако напряжение у защитников не спадало. В этот день ядра противника залетели в церковь и народ заволновался. Но архимандрит утешил молящихся, сообщив им, что ему было видение — архистратиг Михаил явился к нему во время молитвы и произнес: «О враги-лютеры! Ваша дерзость, беззаконники, дошла до моего образа. Всесильный Бог воздаст Вам отмщение скоро!»

На другой день архимандрит и монахи сообщили горожанам и ратникам еще об одном чудесном явлении — сам святой Сергий объявил им, что Богородица с ангельскими силами молится о сохранении обители. Эти известия ободрили защитников, и воеводы объявили всем быть готовым к вылазке.

Они отобрали наиболее крепких крестьян, монахов и воинов для смелого дела. Разделили их на отряды, указали объекты нападения, и вылазное войско в полном порядке двинулось к тайному выходу. Ратникам было приказано выходить небольшими группами и накапливаться во рву под стенами крепости. И вот ударили три раза колокола — то был сигнал к атаке.

Дружно двинулись защитники монастыря на противника. В этот день не нашли подкопа, но троицкая рать, отогнав врага, взяла в качестве трофеев несколько орудий. Интервенты, не ожидавшие такой смелой вылазки, были обескуражены.

На следующий день, 11 ноября, вылазка повторилась. Осажденные твердо решили избавить Троице-Сергиев монастырь от грозящей опасности. И все повторилось.

«Когда ударили в осадные колокола, — сообщает А.Палицын, — Иван Ходырев со товарищи, с громким криком, с силой и мужеством напали на литовских людей. Те пришли в смятение и побежали... Тогда нашли отверстие подкопа, вскочили в глубину подкопа клементовские крестьяне Никон по фамилии Шиллов и Слота; зажгли в подкопе порох с грязью и смолу, заложили отверстие подкопа и взорвали его. Слота и Никон сгорели в подкопе. Люди из города сильно наступали к горе Волкуше к пушкам литовским, а те стреляли из-за туров». В бою защитники монастыря «много всяких людей побили и ранили, а захваченных живьем пленников увели в город».

В тот жаркий день у противника взяли 8 пищалей, много самопалов (ружей), мечей и копий. Защитники потеряли в бою 174 человек убитыми, 166 человек были ранены.

Потери врага превысили 1500 человек убитых и 500 раненых.

После этого славного дела Сапега и Лисовский больше не осмеливались идти на приступ монастыря. Они решили взять его блокадой. Но воеводы противника, стремясь охватить плотным кольцом все пространство вокруг монастыря, растянули войска и тем самым не сумели надежным образом отрезать крепость от внешнего мира.

Наступила зима 1609 года. Интервенты жили в наскоро сколоченных хижинах и вырытых землянках. Продовольствие добывали грабежом окрестных сел и деревень. Храбрые защитники и в этом сильно мешали полякам. Они часто выходили за стены монастыря, врасплох нападали на вражеских фуражиров и отбивали провиант. Поляки свидетельствовали, что не проходило и дня, чтобы из монастыря не было вылазок, а нередко их совершалось по две в один — утром и вечером.

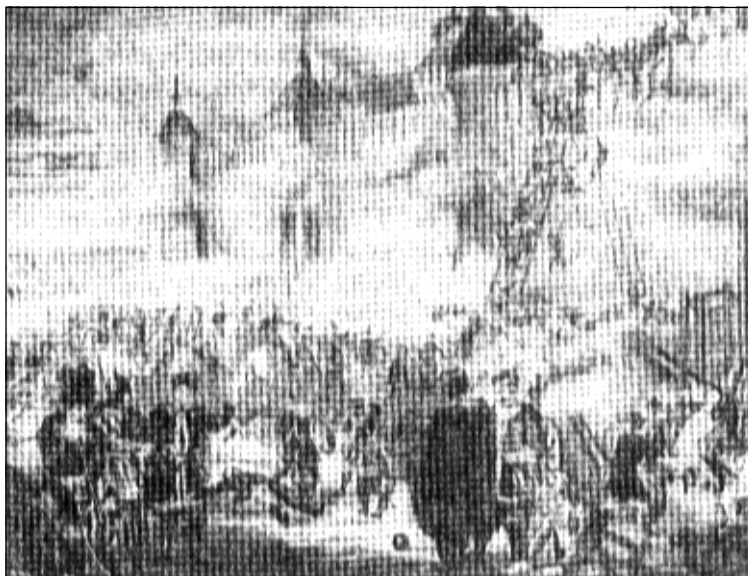
Враги пытались применять и другие формы борьбы с осажденными. В середине ноября в лагерь Сапеги и Лисовского перебежали два «боярчонка» — Петрушка Ошукон и Степан Лешуков. Они обратились к воеводам с предложением, но не без корысти: «Что мы получим, если скажем вам, как можно поскорее взять монастырь без крови?» Вражеские воеводы обещали присвоить им дворянство, «сделать их первыми в чинах». Тогда предатели сказали: «Раскопайте, паны, берег верхнего пруда и переймите от пруда воду: скоро люди будут изнемогать от жажды и поневоле покорятся вашей храбрости».

Обрадованные поляки усердно стали выполнять замысел изменников. Но и защитники насторожились. Атаки на монастырь прекратились, а захватчики безвылазно засели в своих укреплениях и не подходили к стенам крепости. И тогда из города незаметно вышли разведчики и выкрали из сторожевого поста воина противника. От него узнали о злом умысле. Защитники монастыря дружно взялись за дело. Они выкопали несколько прудов в монастыре и пробрили к трубам верхнего водоема, находящегося на северной стороне за монастырем, несколько канав. По ним весь пруд перелился в монастырь. А чтобы поляки не мешали этому, троицкие воины для острастки провели очередную атаку на противника, который вынужден был бежать от водоема под защиту своих острожков.

Но ближе к зиме блокада стала сказываться. Осажденным приходилось переносить большие лишения. Приближались морозы, а топлива в монастыре не хватало. Трудно стало добывать дрова. «На одну пядь не дают воры нашим выехать», — свидетельствовал монах, очевидец событий. Однажды, 17 ноября, несколько добытчиков удалились от монастыря в лес за дровами. Враги начали преследовать их и чуть было не ворвались в монастырь. Крестьяне стали выходить за хворостом с

оружием в руках, ибо в каждую поездку приходилось сражаться с врагами. Обычным явлением стали раненые и убитые. Бывало и так, отец пойдет за дровами и не вернется. Дети, разведя огонь, говорили: «Вот мы отца своего кровь пьем». Да и в других семьях с горечью сокрушались: «Сегодня мы потом и кровию братьий наших напитались, а завтра другие нами наедятся и напьются».

Вследствие нехватки продуктов и хорошей питьевой воды, поскольку в прудах она застаивалась, люди начали болеть. Авраамий Палицын писал: «Эта болезнь известна в трудных осадах: ее врачи называют цингой. Она случается от тесноты и недостатков, больше всего от скверной воды, от неядения горячих трав и корней, люди распухали с ног до головы, выскакивали зубы... Люди не могли передвинуться с места на место...»

*Осада Троице-Сергиева монастыря-крепости.
Литография XIX в.*

Сидевшие в осаде послали в Москву гонца с сообщением о своем тяжелейшем положении. Но столица отбивалась от «тушинцев» и была не в состоянии оказать серьезную помощь.

Келарь (управляющий хозяйством и казной монастыря) Авраамий Палицын, находившийся при патриархе Гермогене, умолял братьев царя о помощи монастырю. Беспокоил патриарха и всю думу царскую, показывая им послание от обитатели. Он говорил, что через месяц монасты-

рю придет конец от тягостных бедствий. «Если, царь, будет захвачен монастырь, то погибнут все земли русские до моря-океана; крайнее утеснение и Москве будет».

Царь с трудом согласился с просьбами монаха и послал в помощь крепости атамана Сухана Останкова с отрядом казаков в 60 человек. Они везли 320 кг пороха и большое количество провианта. С ним пустились в путь 20 монахов. Небольшому отряду удалось пробраться в монастырь. Только четырех казаков схватили. Лисовский велел казнить их на виду защитников города. Воеводы решили в отместку за тех четырех казаков вывести 40 пленников и предать их смерти на горе перед станом Сапеги, а 19 человек — против лагеря Лисовского. Польско-литовское воинство, рассерженное необдуманным поступком Лисовского, хотело убить его. Но Сапега заступился за него и спас от смерти.

Конечно, приход немногочисленного отряда имел больше моральное значение, но ненадолго изменил тяжелое положение защитников крепости. От болезней и беспрестанных стычек с противником за время осады в монастыре погибло 2125 человек. К весне в рядах защитников насчитывалось не более 500 человек, способных держать оружие. Да и голод оказывал свое страшное воздействие на боеспособность и стойкость осажденных.

С наступлением весны защитники несколько приободрились — стали выводить ослабевших на свежий воздух, искали коренья трав для лечения больных. Но противник, зная о тяжелом состоянии троцкого гарнизона, начал деятельную подготовку к первому в 1609 г. общему штурму. Дозорные с башен заметили необычное оживление в стане врага. Там восстанавливали батареи, ремонтировали осадные подкатные башни. Воеводы приказали осажденным повысить бдительность и приготовиться к отражению штурма.

27 мая целый день в станах осаждавших стоял большой шум, звучала музыка. Снова скакали всадники вокруг монастыря, грозя мечами ратникам. Но к вечеру все стихло. Толпы всадников скрылись за лагерьными укреплениями. Но это была обманчивая тишина.

Когда стемнело, вражеское войско молча двинулось к городским стенам: «Ползли они молча, словно змеи по земле, везли орудия для приступа: щиты рубленые, лестницы, туры и стенобитные машины. Все городские люди, мужчины и женщины, вышли на городские стены и также скрытно ждали приступа. С Красной горы сверху загрели выстрелы из пушек, закричало все множество литовских людей и русских изменников и устремилось со всех сторон к городу с лестницами, щитами, таранами на колесах и разными стенобитными орудиями».

После выстрелов по монастырю в стане противника взыграла музыка, и он дружно с двух сторон ринулся на приступ. Но осажденные

встретили польско-литовских захватчиков во всеоружии: «Христолюбивое же воинство и все люди городские не давали им щитов и таранов подвинуть, и лестницу прислонить, били из подошвенного боя из многих пушек и пищалей, и в бойницы кололи, и камни метали, и кипятком лили; и серу и смолу зажигали и метали, и известью засыпали скверные их очеса, и так бились всю ночь».

На рассвете 28 мая штурм был отражен повсеместно, и противник начал отступать. Но защитники не дали ему опомниться. Они быстро открыли ворота и напали на интервентов. Те в панике побросали штурмовые приспособления, попытались скрыться во рву. 30 человек из нападавших были взяты в плен. Пленных вояк приставили к ручным жерновам молотить муку, как говорили защитники, «поиграть на жерновах», намекая на то, что полки шли на приступ с музыкой. И таким образом они «играли» до окончательного ухода противника от стен монастыря.

В конце июня 1609 г. Троице-Сергиев монастырь отразил и второй в том году штурм. Интервенты не успокаивались. До их военачальников стали доходить вести, что к Москве с сильным войском идет М.В.Скопин-Шуйский. На помощь Сапеге и Лисовскому из Тушина пришел пан А.Зборовский. Он предложил защитникам сдать крепость, уверяя их, что Скопин-Шуйский потерпел поражение. Но со стен отвечали: «Красно лжете, но никто вам не верит; на что пришли, то и делайте; мы готовы биться с вами».

Зборовский издевался над неудачливыми воеводами Сапегой и Лисовским: «Что у вас за бездельное стояние перед лукошком? Почему бы не взять лукошка и не передавать ворон. Вы бьетесь с небрежением и хотите взять крепость с помощью черни, которую бьют». Интервенты стали готовиться к приступу, отослали от монастыря в Тушино сборные отряды, кроме казаков Лисовского. На совете было решено напасть ночью.

31 июля 1609 г. грянул третий приступ. В монастыре здоровых воинов оставалось не более 200 человек. Троицкие ратники, мужчины и женщины, бились с врагами всю ночь, не переставая, как и во время прежних приступов. Нападающие были вынуждены отойти.

На городской стене убили одну только женщину и никого не ранили, а Зборовский погубил много отборных бойцов. Теперь Сапеге и Лисовский насмеялись над ним: «Почему ты не одолел лукошка? Раз ты такой смелый, попробуй еще раз, не осрами нас, разори это лукошко — доставишь вечную славу королевству польскому!»

Враги больше не ходили на штурм, но блокада продолжалась. А славные защитники окрепли не только духом, но и физически — сказывалась летняя погода, облегчившая их страдания от голода и цинги. 15

августа они совершили дерзкую вылазку и отбили у незадачливых врагов большое стадо скота. Продуктовый запас защитников значительно пополнился.

18 февраля 1609 г. Василий Шуйский подписал со Швецией Выборгский договор, по которому шведы обязались оказать помощь. За это Шуйский уступал шведам город Корелу и Корельский уезд. В мае 1609 г. 15-тысячный корпус Я.Делагарди (граф Яков Понтус де ля Гарди) согласно договору со шведским королем Карлом IX направился к Новгороду и, соединившись с ратью М.В.Скопина-Шуйского, начал продвижение к Москве.

Как бы упреждая подход помощи, тушинское воинство предприняло попытку овладеть столицей. Москва стойко отбивалась. 25 июня 1609 г. на речке Ходынка русская рать сразилась с интервентами. Под прикрытием обоза выстроились московские стрельцы. Между возов была поставлена артиллерия. Левый и правый фланги прикрывали конница. Сторожевой полк, охранявший наряд, оставили в резерве. Поляки и тушинцы, несмотря на ружейный и артиллерийский огонь, вклинились в обоз. Разгорелась рукопашная схватка. Стрельцы сдержали натиск противника. С флангов ударили по интервентам русская конница. Поляки оказались в клещах и с большими потерями откатились в Тушинский лагерь.

Тем временем рать М.В.Скопина-Шуйского двигалась к Москве. Однако наемники (шведы, немцы, французы, англичане и другие) не оправдали надежд русского правительства. Они стремились к обогащению за счет освобожденных русских городов. М.В.Скопину-Шуйскому с трудом удавалось управлять наемниками. Большая их часть взбунтовалась и покинула русское войско. Ландскнехты с грабежами отходили к границе Руси и Швеции. Освободительную борьбу, по сути дела, вела только русская рать, которая насчитывала в своих рядах 20 тыс. человек. В августе 1609 г. войско достигло города Калязин. Стрельцы, оградившись рогатками, организованным, метким ружейным огнем расстроили ряды интервентов. Наемные войска Делагарди числом от 3 до 4 тыс. человек в этой битве практически не участвовали.

М.В.Скопин-Шуйский, нанеся полякам еще одно поражение под Александровской Слободой, в октябре 1609 г. послал под командой Д.Жеребцова 900 человек на помощь Троице-Сергиеву монастырю (3), а 4 января 1610 г. Г.Валуев, приблизившись к осажденному монастырю с 500 ратными людьми, вступил в бой с польскими интервентами. Одновременно из города ударили ратники Д.Жеребцова. Польское воинство в панике разбежалось по лагерю. Русские крушили их палатки и временные укрепления. Не остановила порыв наступающих и помощь

со стороны Лисовского. Воеводы, захватив пленных, после боя вошли в крепость. На военном совете они сообщили, что скоро русская рать подойдет к стенам крепости и им предстоит в это время совершить вылазку. Исполнив все, что ему было поручено, Григорий Валуев беспрепятственно вышел из монастыря и, пройдя через стан растерянного противника, вернулся в войско Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

Под угрозой наступления русских 12 января 1610 г. Я.Сапега спешно снял осаду монастыря и начал отходить по Дмитровской дороге к Смоленску. Русская рать, догнав его отряд, нанесла ему поражение. 16 месяцев противник бесполезно штурмовал стены героически оборонявшейся крепости и не добился успеха. Активная, упорная защита монастыря имела большое моральное значение в деле развертывания народной войны против иноземцев и в тот тяжелый период спасла от них Москву.

Узнав о неудаче польских войск, Лжедмитрий II, М.Мнишек и казачий атаман И.Заруцкий с небольшим отрядом тайно покинули Тушинский лагерь и помчались в Калугу.

За год до этих событий, польский король Сигизмунд III, усмотрев закат «тушинского вора», решил взять инициативу в свои руки. Под предлогом, что русское государство заключило мир с враждебной Польше Швецией, он предпринял открытую интервенцию. В сентябре 1609 г. 12-тысячное коронное войско направилось к Смоленску. Воевода М.Шейн имел только 4 тыс. ратников, но в обороне города-крепости принял участие и жители. Польский король, подтянувший к Смоленску еще 30 тыс. воинов, застрял здесь надолго.

М.В.Скопин-Шуйский, очищая районы Подмосковья от интервентов, усиленно готовился прийти на помощь Смоленску. В апреле 1610 г. под Москвой были проведены военные учения. По плану, намеченному Скопиным-Шуйским, русские войска должны были двигаться к осажденному городу по двум направлениям — одна часть из-под Можайска, другая — из-под Ржева. Этим самым русский военачальник выигрывал время движения, а главное — ставил противника в тупик, поскольку тому было трудно определить направление главного удара.

Во время подготовки похода на Смоленск М.В.Скопин-Шуйский скоропостижно скончался. В народе ходила молва, что молодого племянника отравили завистливые дядья — братья Шуйские.

24-летний энергичный и умный полководец, находившийся в расцвете сил, пользовался большой любовью и авторитетом у служилых людей. Конечно, с ним не шел ни в какое сравнение Василий Шуйский — невзрачный, подслеповатый 57-летний царь, отличавшийся не столько

умом, сколько изощренной хитростью. Василий Иванович был большим охотником до наушников, действовал всегда исподтишка, отличался двойственностью как в обещаниях, так и в решениях. А черная зависть, двуличие и неблагодарность — не лучшие черты характера любого человека. И уж тем более царя. Есть сведения, что во время пира жена Дмитрия Шуйского Екатерина, дочь изувера Малюты Скуратова, преподнесла одну из чаш Михаилу Скопину-Шуйскому, и молодой воевода впал в тяжелый недуг. «И была болезнь его зла, беспрестанно шла кровь из носа» (4).

Русское войско возглавил Д.И.Шуйский. В Можайске рать численностью до 30 тыс. человек соединилась с вновь набранным наемным отрядом Я.Делагарди — 8 тыс. человек. Передовой отряд из 6—8 тыс. человек под командованием Г.Валуева подошел к Цареву-Займишу, где укрепился. Польский отряд гетмана С.Жолкевского, посланный из-под Смоленска навстречу русским, столкнулся с отрядом Валуева и был задержан под Царевым-Займищем. Жолкевский, выделив до 1500 человек для блокировки отряда Валуева, с 8,5 тыс. войска двинулся навстречу основным силам русских. 24 июня 1610 г. у деревни Клушино поляки внезапно напали на лагерь русских и наемных войск Д.И.Шуйского. Московская рать успела поставить плетень и встроиться в боевой порядок. Наемники укрылись за обозом. Поляки несколько раз атаковали боевые порядки русской рати, но стрельцы удержали позиции (5). Наемники Я.Делагарди вступили с поляками в переговоры и вышли из боя. Измена наемников решила исход боя в пользу поляков. Д.И.Шуйский и бояре, бросив войско, помчались к Москву.

Поляки одержали победу под Клушином, однако она не свидетельствовала о преимуществе их военного искусства над русским. Как и прежде, все надежды поляки возлагали на конницу, разделенную на три части: центр, правое и левое крыло. Пехота оставалась в резерве. У русских войск, наоборот, вся тяжесть боя возлагалась на пехоту, и она показала свою способность противостоять конной атаке.

Продвигаясь к Москве, поляки в середине июля заняли Можайск. К концу месяца они подошли к самой столице и расположились на Хорошевских лугах. Одновременно Сапега и самозванец, бежавшие ранее из Тушина в Калугу, начали движение на Москву и в июле заняли Коломну.

Боярская верхушка («семибоярщина» — семь московских бояр) в этот тяжелый для России час вместо организации всех сил на борьбу с врагом пошла на прямую измену русскому народу. Она низложила Василия Шуйского, заключила договор с поляками и признала царем польского королевича Владислава. Эта измена дала возможность всего лишь 3,5 тыс. поляков и 800 немецким наемникам беспрепятственно войти в Москву в ночь на 21 сентября 1610 г. Самозванец теперь стал не нужен. Польские войска выступили против него. Верным самозванцу

остался И.Заруцкий, который организовал отпор польскому воинству. Но дни Лжедмитрия II были сочтены. В декабре, во время послеобеденной прогулки «царя» охрана из касимовских татар убила его и отвезла в Калугу. Вскоре после смерти Лжедмитрия II М.Мнишек родила сына. Заруцкий и казаки нарекли его царевичем Иваном Дмитриевичем, а народ прозвал «воренком». Авантюристы из Тушинского лагеря присоединились к королевским войскам.

Литература

1. Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. II. С. 52.
2. Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. — Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 115.
3. Корецкий В.И. Подвиг русского народа в начале XVII века. — Вопросы истории. 1970. № 5. С. 154.
4. Иконников В.С. Князь М.В.Скопин-Шуйский. — Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев. 1879. Кн. 1. С. 137.
5. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 38—41.

4. Освобождение Москвы

Польские феодалы считали себя хозяевами Москвы и рассчитывали на полное покорение России. Они выслали из столицы в различные отдаленные города почти 18 тыс. стрельцов, чтобы обезопасить себя. Но русский народ не склонил голову перед захватчиками и решительно поднимался на борьбу. Грабежи, насилия и притеснения со стороны поляков вызывали все большее негодование народа и ускорили создание единого фронта. В центральных областях было сформировано первое народное ополчение под руководством рязанского воеводы П.П.Ляпунова, состоявшее из казаков и крестьян, отошедших от самозванца, и отдельных дворянских отрядов, которые вместе пошли против поляков.

Прокопий (Прокофий) Петрович Ляпунов участвовал в движении Болотникова как противник царя Василия Шуйского. Затем покинул восставших и принял сторону М.В.Скопина-Шуйского. После смерти последнего обвинял Шуйских в отравлении воеводы, рассылал грамоты с призывом идти против польских интервентов. Обладал деятельным, но вспыльчивым характером. Тем не менее его уважали за открытость в отношениях с людьми. Призывы Ляпунова привлекли не только провинциальных дворян и служилых людей Рязани, Нижнего Новгоро-

да, Ярославля, Владимира, Тулы, но и бывшее «тушинское воинство» — казаков во главе с боярином Дмитрием Трубецким и атаманом Иваном Заруцким. В Москву со всех сторон стекались люди для борьбы с супостатами. Поляки видели это и принимали меры по предотвращению восстания. На стенах Кремля и Китай-города были установлены пушки. Но несмотря на строгости, ополченцы пробрались в город для поддержки москвичей на случай восстания. В числе этих ратников был и князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Боярин Дмитрий Пожарский

Дмитрий Михайлович Пожарский происходил из древнего рода Стародубских, потомков великого князя Владимирского Всеволода III Большое гнездо. Во время монголо-татарского нашествия их наследственный город Стародуб-Суздальский подвергся разорению и сожжению. После восстановления его стали называть Клязьминским, а соседнее с ним поселение — Погар, или Пожар, а князей — Пожарскими. Князья Стародубские, от коих пошли ветви Пожарских, Ковровых и других знатных фамилий отличились в Куликовской битве при штурме Казани в 1552 г., в Ливонской войне 1558—1583 гг., но во время опричнины попали в опалу. Род Пожарских обнищал и превратился в мелких

землевладельцев, хотя его представители в жили в Москве, но среди московской знати утратили свое положение.

В 12 км от села Коврово (ныне г. Ковров) в деревне Сергово (близ бывшего Погара), где находился родовой терем Пожарских, в семье Михаила Федоровича и Марии (Ефросиньи), урожденной Берсеновой-Беклемишевой, 1 ноября 1578 г. родился сын Дмитрий. Детство и юность он провел в Москве, где Пожарские имели дом на Сретенке. Молодой Дмитрий Михайлович в 1593 г. поступил на службу. Отличался честностью, прямоотой в суждениях, за что впал в немилость придворной знати. В смутные годы проявил храбрость и ратное умение в борьбе с разбойными шайками интервентов. В 1608 г. получил чин воеводы, с 1610 г. воеводствовал в Зарайске.

...Согласно замыслу ополченцев предстояло нанести удар по захватчикам с поля и в самой столице.

Приспешник интервентов боярин М.Салтыков советовал полякам спровоцировать выступление москвичей в целях упреждения восстания до подхода ополчения: «Ныне был случай (17 марта справлялся праздник вербного воскресения), и вы Москвы не били, ну так она вас во вторник будет бить». Несомненно, переметчик знал, что говорил. И действительно, 19 марта 1611 г. произошла схватка между немецкими наемниками из польской армии и народом, однако спровоцировали ее интервенты. Воспользовавшись этим, поляки и немцы бросились избивать безоружных. Произошла кровавая резня, в которой погибло не менее 7 тыс. человек. Русские ударили в набат, собрали силы, построили в Белом городе баррикады и оказали упорное сопротивление. На Сретенке передовой отряд ополчения под командованием Д.М.Пожарского ударил по полякам и отбросил их в Китай-город. Другие отряды повстанцев нажимали от Замоскворечья и Яузских ворот. Чтобы подавить восстание, интервенты во многих местах подожгли город. Вслед за всепожирающим огнем двигались вражеские солдаты. Защитники отступали. Дольше всех держались ратники Дмитрия Пожарского на Сретенке. Они отбивали атаки польской конницы и немецкой пехоты. Но силы были неравны. Пожарский получил три тяжелых ранения, и соратники увезли воеводу из горящей Москвы в Троице-Сергиев монастырь, а затем в село Нижний Ландех, по некоторым сведениям, в Мугрево, его суздальскую вотчину.

Москва горела. Жители вместе с ополчением вынуждены были ее покинуть. По окончании пожара 1 апреля основные силы ополчения снова подошли к стенам Белого города и, расположившись по линии нынешнего Бульварного кольца — на Воронцовом поле, у Яузских, Покровских, Сретенских и Тверских ворот, начало осуществлять осаду по-

ляков, засевших в Кремле и Китай-городе. Во время этой осады ополчение распалось из-за раздоров между казаками и дворянами.

В руках казаков оказалась подметная грамота, умело подброшенная поляками. В ней якобы за подписью Ляпунова казаки объявлялись разбойниками, врагами русского государства. Обстановка накалилась. Казаки вызвали Ляпунова на свой круг и вручили ему грамоту. Воевода внимательно прочитал ее и сказал: «Рука похожа на мою, только я не писал». Но раздраженные казаки не стали слушать объяснений и «разнесли на саблях» предводителя ополчения. Дворянская часть ополчения разошлась по домам. Под Москвой остались лишь около 10 тыс. казаков и часть москвичей, которые не прекратили борьбу с поляками.

В это время польский король Сигизмунд III продолжал осаду Смоленска и не мог прийти на помощь войскам, осажденным в Москве. Город-крепость Смоленск, обнесенный мощными каменными стенами, строительством которых руководил русский архитектор Федор Конь, связал коронное войско. Днем и ночью караулы на стенах несли службу. Смоляне не поддались на уговоры Сигизмунда III открыть ворота крепости, как он себя именовал, «спасителю» гибнущей Русской земли. Ни многодневные штурмы, ни минные подкопы не сломили мужества защитников. Начавшийся в Смоленске голод не поколебал их решимости отстоять город. Осажденные тревожили частыми вылазками неприятельский лагерь и даже, переправившись через Днепр, смогли захватить вражеский штандарт. Свыше 20 месяцев продолжалась борьба смолян. К концу осады в Смоленске из 40 тыс. жителей осталась лишь пятая часть, а гарнизон насчитывал 200 ратников. Каждому из них приходилось наблюдать и оборонять 30-метровый участок крепостной стены. Несмотря на огромные потери, Смоленск продержался до июня 1611 г. и был занят коронным войском только в результате измены. Один из боярских детей перебежал на сторону поляков и показал им слабое место в стене, где кирпич был сложен наспех и потому непрочен. 2 июня поляки направили сюда огонь своей артиллерии, сделали подкоп, взорвали его, разрушили стены и ворвались в город. Воевода Шеин был взят в плен, а жители, не желая сдаваться врагу, заперлись в Успенском соборе, где хранились запасы пороха. Смолянин Андрей Беляницын взял свечу и поджег хранившийся в подвалах порох. Собор взлетел на воздух (1).

Отход части дворянства от борьбы с поляками и прямое предательство не сломили волю народа. Недовольство захватчиками продолжала нарастать. Ширилось подлинно всенародное движение, направленное на освобождение Родины от польских феодалов, попиравших самые элементарные права россиян. Это движение набрало большую силу и мощь к осени 1611 г. Патриарх Гермоген, заточенный поля-

Кузьма Минин

ками в подземелье, во все концы России рассылал грамоты с призывом к восстанию против захватчиков. В Нижнем Новгороде земский староста, мелкий торговец Кузьма Минин обратился к народу с горячим призывом ополчаться против врагов Русской земли.

Земский староста К.Минин, по словам современников, отличался честным и справедливым характером: «...родом не славен, но смыслом мудр, смышлен и язычен (красноречив)». Он занимал по тому времени важный и почетный пост в Нижнем Новгороде — ведал сбором налогов, вершил судные дела. Авторитет Минина среди горожан был чрезвычайно высок, и он полностью его использовал при организации народного ополчения. Как в древние времена, собрались нижегородцы на вече, на котором Минин произнес знаменитую речь: «Православные люди, похотим помочь Московскому государству, не пожалеем животов наших... И такая хвала будет всем нам от Русской земли, что от такого малого города, как наш, произойдет великое дело. Я знаю, только мы на это подвинемся, так и многие города к нам пристанут, и мы избавимся от иноплеменников».

По призыву веча были собраны деньги, на которые снаряжалось пяти тысячное ополчение, вошедшее в историю под именем Второго народного ополчения. Начальником его был избран опытный воевода,

уже доказавший преданность своей Родине в борьбе с поляками князь Дмитрий Пожарский. К Нижнему Новгороду примкнули Вологда, Ярославль и другие города. Дело, начатое нижегородцами, нашло отклик во всем русском народе. Прозорливым оказалось предсказание Минина, и недаром в то время родилась народная поговорка «Новгород Нижней — сосед Москве ближней».

В ратники ополчения вступили крестьяне, холопы, посадские и служилые люди — стрельцы, пушкари, казаки. Вместе с русским народом в ополчение вливались народы Поволжья — марийцы, татары, чуваша и другие. Был создан «Совет всея земли», где главную роль играли представители посадов, мелкого служилого дворянства и казаков. Ополчение обрело положение вооруженной силы и своего рода государственной власти.

Первоначально князь Пожарский планировал подойти к Москве через Суздаль и разгромить польский гарнизон. Но когда выяснилось, что авантюрист И.Заруцкий относится враждебно к ополчению, было решено подготовить базу для наступления и изменить маршрут движения. С этой целью Пожарский направил в Ярославль, захваченный в феврале казаками Заруцкого, конный отряд из 700 человек во главе с Д.И.Лопатой-Пожарским, который очистил город. В освобожденный Ярославль двинулись силы ополчения и прибыли туда в марте 1612 г. Здесь они простояли 4 месяца, принимая пополнения, совершенствуя свою организацию. Патриоты русской земли отлично понимали, что без хорошо организованного и подготовленного войска чужеземные рати не выбить со своей земли.

Ополченцам выплачивалось жалованье от 30 до 50 рублей по должностному, а не по сословному принципу. В отличие от Первого ополчения Пожарский создал стройную военную организацию. Пешие ратники объединились в полки, а конные — в сотни. Воеводам полков предписывалось проводить обучение ратников, следить за соблюдением воинской дисциплины, а самим военачальникам — быть образцом справедливости по отношению к ополченцам и горожанам. В Ярославле организовали производство холодного оружия — копий, бердышей, рогатин. Свозили в город наряд и порох для «огненного боя». Из Ярославля выезжали отряды ополчения, которые очищали путь к Москве от поляков и их приспешников. Благодаря тщательной и всесторонней подготовке русское народное ополчение численностью свыше 20 тыс. человек оказалось сильнее противника.

Заруцкий продолжал противодействовать Пожарскому. Во второй половине июня, когда князь осматривал пушки на сборном пункте, подсланные Заруцким казаки Обрезок и Стенька с сообщниками пы-

тались зарезать Пожарского. Стенька, пользуясь толчеей, нанес удар ножом, однако сопровождавший Пожарского казак Роман заслонил собой воеводу — убийца целил в живот, но смог поранить только ногу князя. На допросе он признался и назвал инициатора покушения. Пожарский отменил смертную казнь, которой хотели предать изменников. Их poslali в тюрьму, а затем взяли с собой в поход на Москву; пригодятся, чтобы уличить Заруцкого.

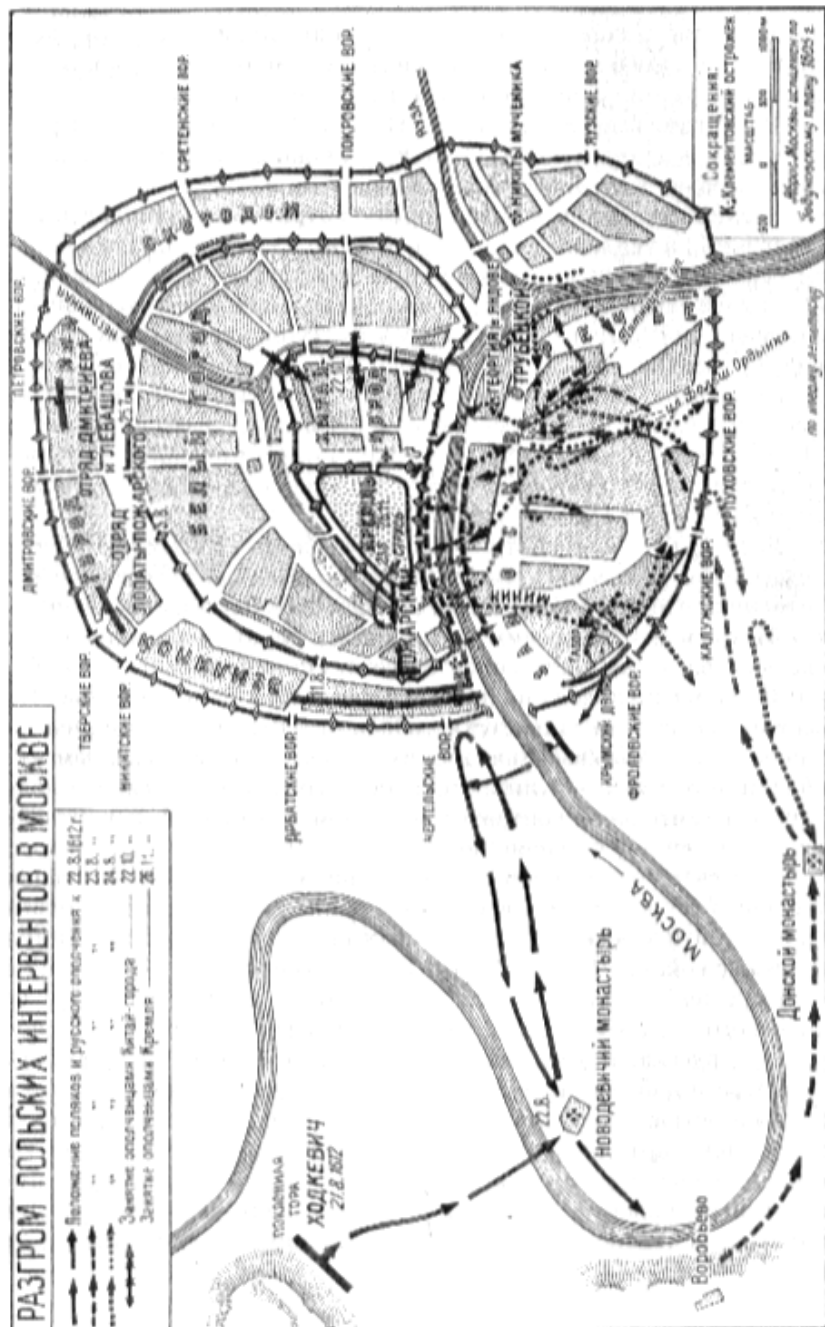
В июле 1612 г. значительная часть ополчения двинулась из Ярославля и 20 августа вступила в Москву, расположившись в районе Арбата. И. Заруцкий, узнав о приближении ополчения, бежал в Коломну и затем с М. Мнишек и ее сыном направился в Михайлов.

В это время к Москве на помощь осажденным полякам шел с 12-тысячным войском Я.-К. Ходкевич. 21 августа он подошел к городу и остановился на Поклонной горе. Пожарский, чтобы преградить путь противнику в Кремль, где находился четырехтысячный гарнизон, стал на левом берегу у Крымского двора. Главные силы под командованием Пожарского располагались на наиболее ответственных участках — в районе Арбатских, Тверских и Никитских ворот. Правый и левый фланги — у Петровских и Чертольских ворот, также прикрывались отрядами ополчения. Всего под Москвой находилось до 10 тыс. русского войска, из них — 2,5 тыс. казаков Д. Трубецкого.

В ночь на 22 августа противник перешел бродом реку Москва против Новодевичьего монастыря и стал готовиться к наступлению с намерением нанести главный удар в районе Чертольских ворот, сломить сопротивление ополчения и соединиться с отрядом, засевшим в Кремле.

Разгадав замысел противника, Пожарский выдвинул в район Новодевичьего монастыря сильный конный отряд и сосредоточил пешие войска в укреплениях земляного вала. Сражение началось утром 22 августа и продолжалось около семи часов. Значительное превосходство в коннице позволило интервентам оттеснить ополченцев к стенам Белого города. Здесь было множество рвов и Пожарский приказал своим конникам биться в пешем строю.

Вражеские войска полковника Н. Струся, находившиеся в Кремле, пытались атаковать русских с тыла. Однако их атака была успешно отражена отрядом, заранее выделенным для этой цели. Одновременно пять конных сотен, предусмотрительно направленных Пожарским на усиление отряда Трубецкого и находившихся на правом берегу р. Москвы, а также часть его казаков по собственной инициативе переправились вброд через реку и нанесли удар по флангу польско-шляхетских войск. Перед выступлением казаки упрекнули Трубецкого: «В твоей нелюбви Московскому государству и ратным людям (Пожарского) пагуба только

чинится. Почему не помогаешь погибающим?» (2). И этот внезапный удар решил исход сражения. Вражеские войска вынуждены были отступить на Воробьевы горы, откуда намеревались в дальнейшем пробиваться в Кремль со стороны Замоскворечья.

Весь день 23 и ночь на 24 августа обе стороны готовились к предстоящему сражению. Определив вероятное направление удара противника, Пожарский приказал отрядам ополченцев, находившимся у Петровских, Тверских и Никитских ворот, передвинуться к реке Москва. Одна треть войск (пехота, конница и часть артиллерии) была переправлена на правый берег реки в Замоскворечье. На рассвете 24 августа шляхетские войска атаковали ополченцев на правом берегу Москвы. Вначале им удалось овладеть важным укреплением русских — Климентовским острожком, но вскоре ополченцы стремительной контратакой выбили противника из укрепления и нанесли ему большие потери.

Не менее упорный бой разгорелся на полуразрушенных стенах Земляного города. Но превосходящие силы врага заставили ополченцев отойти к реке. На помощь сражавшимся Пожарский двинул резервные войска. Четыре конные сотни под начальством Минина в сумерках переправились через реку в районе Крымского двора (у Крымского брода) и нанесли удар по интервентам с фланга. Одновременно русская пехота атаковала с фронта. Противник не выдержал удара и побежал к своему лагерю. Ополченцы захватили весь обоз (400 возов с продовольствием), стоявший в районе Ордынки: живую силу, артиллерию, штандарты, походные шатры. Остатки польских войск отступили к Воробьевым горам, а затем начали отходить к Можайску. Разгромив Ходкевича, все силы Пожарский направил на овладение Кремлем и Китай-городом, где еще сидели поляки.

15 сентября осажденным было предложено сдаться, но они отказались, надеясь на помощь польского короля. Тогда ополчение Пожарского приступило к осаде. 22 октября (3) приступом был взят Китай-город. В руках поляков оставался только Кремль, где они еще продолжали хозяйничать, но находились в тяжелом положении. Осажденные были окружены со всех сторон, голодали, а боевые припасы израсходовали. Поляки поели всю живность, варили кожанные переплеты книг. Надежды на помощь уже не было. Доведенные до отчаяния, они заявили на переговорах о готовности сдаться с единственным условием — сохранить им жизнь. 26 октября гарнизон поляков капитулировал и вышел из Кремля. Столица была освобождена (4). Народное ополчение вступило в Кремль.

В воскресенье 1 ноября 1612 г. утром на Красной площади, у Лобного места, сошлись освободители. Москвичи горячо приветствовали воинов. Состоялся благодарственный молебен, а затем открылось торжественное шествие в Кремль. Под звон колоколов и пушечный залп

*Торжественный въезд Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского в Кремль.
Литография XIX в.*

Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин во главе ополчения въехали во Фроловские (Спасские) ворота. В Кремле к ногам победителей полковник Николай Струсь безропотно сложил королевские знамена.

Москва радостно праздновала освобождение, но до окончательного изгнания интервентов было еще далеко. Польские и шведские оккупанты не отказались от своих намерений покорить русский народ.

Польский король Сигизмунд III двинул из Смоленска к Москве отряд в 3 тыс. человек под командованием Жолкевского. Отряд был отброшен. Сам король приступом намеревался овладеть Волоком Ламским. Незначительное количество русских войск, находившееся в городе, мужественно отразило три штурма поляков и вынудило противника отойти от города. Сигизмунд вернулся в Польшу с несбывшимися надеждами. А тем временем в Москву собирались выборные «лучшие и разумные люди» от разных сословий из освобожденных земель России. На Земском соборе, состоявшемся в январе-феврале 1613 г. присутствовали бояре, дворяне, казаки, посадские люди и чернососшные крестьяне. Все они сошлись в одном, что ни литовских, ни польских, ни шведских королей и их детей, ни других представителей иноземных государств на русский престол не

избирать. 21 февраля 1613 г. «казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули» новому царю. Так, под давлением казаков и простого люда на престол избрали 16-летнего Михаила Романова. Как писал русский историк В.О.Ключевский, «хотели выбрать не способнейшего, а удобнейшего». Бояре и дворяне надеялись на покладистость молодого царя, а казаки и крестьяне видели в нем представителя фамилии страсто-терпцев: Б.Годунов подвергал гонениям Романовых, а отец Михаила патриарх Филарет находился в польском плену (5).

На Московский трон законно избрали царя, но сам он находился в селе Домнино близ Костромы, в которое уехал вместе с матерью инокиней Марфою после освобождения их из Кремля. Там они содержались в качестве заложников вместе с другими московскими боярами. А по стране бродило еще немало разбойничьих шаек захватчиков. А начале марта 1613 г. крестьянин села Дервеньки, находившегося в нескольких верстах от Домнино, Иван Осипович Сусанин был захвачен поляками, которые требовали от него указать дорогу на Домнино. Крестьянин, ничем не выдав своих намерений, завел 60 конников в непроходимые лесные чащобы, где они все погибли. Принял насильственную смерть и Сусанин. Его зарубили разъяренные шляхтичи. Подвиг костромского крестьянина не забыт и в наши дни. Он стал примером для многих патриотов земли русской.

По юго-западу страны «гуляла» банда Лисовского. И вновь Д.Пожарский возглавил отряд, направленный против мятежников. Весной 1615 г. князь заставил Лисовского принять бой под Орлом и в жесточайшей схватке вынудил «лисовчиков» бежать в Болхов, затем в Белев, Лихвин, Перемышль. Здесь Пожарский заболел, но и Лисовский, поняв бесперспективность набегов, удрал в Литву. «Нашла коса на камень», — говорили в народе.

Несмотря на полное поражение, польские феодалы не отказались от своих захватнических целей в отношении Русского государства и продолжали нападать на его территорию. Последний раз польская армия во главе с Владиславом, еще мечтавшем о московском престоле, в 1617 г. двинулась в русские земли. В войске находился гетман Я.-К.Ходкевич.

Первоначально захватчики добились успеха. Они взяли город Дорогобуж, а затем Вязьму. Путь на Москву оставался открытым. Однако в Калуге польские войска получили отпор. Срочно прибывший в город Д.Пожарский организовал оборону и вынудил польское воинство ретироваться и встать на зимние квартиры в Вязьме.

В июле 1618 г. королевич Владислав из района Вязьмы начал повторное наступление на столицу. В этот раз он надеялся добиться успеха.

С Украины шло ему на помощь 20-тысячное казацкое войско под руководством П.Конашевича-Сагайдачного, связанного договором с польскими магнатами. Польские войска застряли под Москвой, не решаясь без помощи казаков штурмовать столицу. Войско Сагайдачного в августе 1618 г. было задержано под г. Михайловым, в 200 км юго-восточнее Москвы. Десять дней безуспешно осаждало казацкое войско город, который защищали жители и 120 стрельцов. В рядах запорожцев росло недовольство братоубийственной войной — в городе жили «черкасы», выходцы с Украины. Сагайдачный вынужден был оставить Михайлов и спешить к Владиславу (6).

Ропот в рядах запорожского войска грозил перерасти в открытое неповиновение и потерю авторитета гетмана Запорожской Сечи. Королевич Владислав с польским войском топтался на подходе к Москве в районе Звенигорода и слал слезные депеши к Сагайдачному, умоляя его скорее придти на помощь. Поляки, окруженные враждебным населением, с трудом добывали себе пропитание. Владислав без помощи запорожцев не решался идти на штурм Москвы. Петр Конашевич-Сагайдачный, лелея надежду в ответ на помощь королевичу, вырвать привилегии для украинских казаков, срочно решил двигаться на соединение с польским войском. Однако десять дней, с 17 по 27 августа, стояния под Михайловым были безвозвратно потеряны. Но самым большим ударом для гетмана явился поворот в сознании украинских казаков, которые воочию убедились в бесполезности затеянного им похода. Русские люди на всем пути их следования относились отрицательно к намерению посадить на престол иноземного царька — польского королевича Владислава. Тем не менее, несмотря на урок, преподнесенный жителями Михайлова, Сагайдачный все еще надеялся поправить положение. Он повел свое войско по рязанской дороге — к Коломне, хотя первоначально намеревался идти на Каширу и там бродами форсировать Оку.

В Москве ожидали прихода запорожских казаков. Прикрывать столицу с юга были отправлены войска под командованием Д.М.Пожарского и второго воеводы Г.К.Волконского. Они стояли в Серпухове. Узнав о маршруте движения Сагайдачного, русские войска под руководством Волконского в конце августа пошли берегом к Коломне. Пожарский тяжело заболел и из Серпухова был отвезен в Москву. 6 сентября 1618 г. запорожцы подошли к броду на Оке при впадении реки Осетр.

Войска Волконского также успели встать на левом противоположном берегу Оки. Два дня запорожцы пытались переправиться, но каждый раз отбрасывались на правый берег. Тогда Сагайдачный направил отряд в 1000 человек в обход брода. Волконский отвел войска в Коломну. Но гетман, учитывая предыдущий горький опыт осады Михайлова, не стал рисковать, не пошел на Коломну, а каширской дорогой двинулся к Москве и стал в селении Котел (ныне Нижние Котлы — район столицы). 20 сентября подошел к Москве и осмелевший Владислав. Сагайдачный с запорожцами передвинулся к Донскому монастырю и соединился с войском королевича. 23 сентября столица была окружена противником.

Опасность, нависшая над столицей русского государства, не поколебала решимости москвичей. Они потребовали от Земского собора оружия, и многие добровольцы встали на крепостные стены вместе с ратниками. Свыше 4000 посадских людей несли караул наравне с воинами. Превозмогая немочь, князь Дмитрий Пожарский вместе со своими людьми встал в ряды защитников столицы. В ночь с 30 сентября на 1 октября 1618 г. москвичи были разбужены громкими выстрелами пушек у Арбатских и Тверских ворот Белого города. Штурмовые группы нападавших произвели взрывы ворот Земляного города, и в проломы ринулись поляки и запорожцы. Последних было немного. Только верные Сагайдачному казаки вместе с польской конницей поскакали к Арбатским воротам. Их встретил град пуль и пушечной картечи. Разгорелся ночной бой. Москвичи-горожане и ратники прибывали к местам нападения. Д.Пожарский с охраной появился у Арбатских ворот. Штурм был отбит с тяжелыми потерями для нападавших. Сагайдачный верхом помчался по арбатским улицам и увидел своих воинов, усеявших трупами предместья Кремля. Не мешкая, он приказал оставшимся возвращаться. Польские воины и наемники также откатились от Тверских ворот. На рассвете все было кончено. Интервенты спешно отходили от Москвы.

Потерпев поражение в последнем походе на Москву, польские феодалы пошли на мирные переговоры. 1 декабря 1618 г. в селе Деулино под Троице-Сергиевым монастырем было заключено Деулинское перемирие сроком на 14,5 лет. Польское правительство и королевич Владислав отказались от намерения добиваться московского престола силой оружия. Россия временно уступала Польше Смоленск, Чернигов и некоторые северские города (Новгород-Северский, Дорогобуж и другие — всего 30 населенных пунктов). Этот договор был тяжелым для Русского государства, но он все же давал передышку для собирания сил

и восстановления хозяйства страны, разрушенного долголетней войной. Героическая борьба русского народа спасла родную землю. В труднейших условиях Смутного времени русский народ нашел в себе силы отстоять свою национальную независимость.

Запорожцы не простили гетману Петру Сагайдачному соглашения с польскими магнатами — на чужой беде счастья не добудешь. Так, войско возвращалось из-под Москвы, полк Ждана Коншина численностью в 300 человек остался в Калуге и отказался идти в Запорожскую Сечь. Он перешел на службу Русскому государству. По возвращению на родину сам Сагайдачный был вынужден признать ошибочность своего шага по оказанию помощи польскому королевичу Владиславу в овладении московским престолом. Сагайдачный от имени всего казачьего войска просил иерусалимского патриарха Феофана отпустить «грехи за пролитую кровь христианскую» и оказать помощь в восстановлении связей с Россией. В 1620 г. он впервые послал представителей запорожцев в Москву с изъявлением готовности служить России (7). В Грамоте Сагайдачный от имени запорожского войска писал: «Памятуя то, как предки их прежним великим государям и царям и князьям российским повинность всякую чинили и им служили, за свои службы царское милостивое жалованье имели, так же они царскому величеству служити готовы против всяких его царского величества неприятелей». Так, задолго еще до посланий Богдана Хмельницкого и Переяславской Рады, был сделан важный шаг по сближению судеб двух братских народов.

В 1615 г. шведский король Густав Адольф с 16-тысячным войском вторгся в Ингерманландию, а затем подступил с севера к Пскову. Шведские войска расположились на берегу реки Великая в 4 км ниже города. Выполнив необходимые осадные работы, они 17 августа открыли по нему артиллерийский огонь из 12 тяжелых орудий. Выстрелы гремели в течение 5 дней. После этого начались частые штурмы, мужественно отбиваемые псковичами. 9 октября шведы начали общий штурм. Наступление велось как по правому берегу р. Великой на Запсковье, так и с левого берега на плотках. Во второй половине дня шведам удалось занять часть городской стены и одну башню. Русские взорвали башню вместе со шведами и перешли в контратаку. Штурм был отражен. Противник понес большие потери и отошел. Многие шведы нашли кончину в водах р. Великой. После этого поражения Густав Адольф вынужден был прекратить осаду и 26 октября отошел от Пскова.

В 1617 г. в Столбове между Швецией и Россией был заключен мирный договор. Участвовал в переговорах и Д.М.Пожарский. И это не слу-

чайно. Еще во время нахождения Второго ополчения в Ярославле летом 1612 г. зашла речь о русском престоле. И в то время Пожарский проявил недюжинный талант дипломата. Поскольку на московский трон претендовали польские (Владислав) и шведские (Карл-Филипп) королевичи, он решил их столкнуть между собой. Пожарский поставил условие перехода претендентов в православие и приезда их в Россию, что явно было невыполнимо. В стране шла освободительная война как раз против любителей чужих престолов. Кроме того, Пожарский воспользовался проездом через Ярославль представителя Священной Римской империи Якова Грегори, и князь обратился к императору Рудольфу II с просьбой назвать еще одного претендента. А чтобы произвести впечатление на Вену, скрепил грамоту своей печатью — личным гербом. На нем были изображены два льва, держащие щит. На щите была помещена хищная птица, клюющая голову поверженного врага (татарина). По краю шла надпись: «Стольник и воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарсково Стародубсково». Над щитом — ковер (шкура), а под ним — мертвый дракон (разбитое войско Мамаю). Так Пожарский осуществил связь времен, поскольку его предок Андрей Федорович Стародубский (от него пошли князья Ковровы, Пожарские, Ряполовские и др.) в ходе Куликовской битвы 1380 г. первым ворвался в ставку Мамаю и захватил его шатер, увешанный коврами и медвежьими шкурами.

Печать Пожарского стала эмблемой Второго ополчения и имела государственный статус, что давало право на переговоры с иностранными правителями. Как и следовало ожидать, претенденты, опасаясь интриг, не спешили заявлять о своих претензиях. Русь временно получила передышку.

Памятуя об этом дипломатическом ходе Пожарского, русское правительство послало его на переговоры. По Столбовскому договору Россия уступила Швеции русские земли от Нарвы до Корелы, практически все восточное побережье Балтийского моря, но Швеция должна была освободить захваченные ею города — Новгород, Старую Руссу, Ладогу, Порхов и Гдов.

В тяжелой, кровопролитной борьбе с польскими и шведскими захватчиками русский народ отстоял свою национальную независимость. Этому способствовало стремление всех социальных групп от высокородных бояр до простых крестьян объединиться и очистить страну от интервентов. Дальновидные и честные люди России, такие как Д. Пожарский, К. Минин, П. Ляпунов и многие другие, выражая думы и чаяния народа, побуждаемые лучшими патриотическими чувствами, сумели

преодолеть разброд и шатание, царившие в умах общества, поставить четкую и ясную для всех цель — сбросить ярмо иноземцев. Эта позиция патриотов России нашла поддержку у подавляющего большинства населения, что и определило в конечном итоге победу русского народа.

Соратник Пожарского — Кузьма Минин не дожид до заключения мирных договоров. Он был старше князя, а напряжение духовных и физических сил, связанное с организацией освобождения Москвы, сильно сказалось на его здоровье. В 1616 г. его не стало. Земляки-нижегородцы обратились к правительству с просьбой захоронить думного дворянина Кузьму Минина на его родине. В Нижегородской земле и был захоронен славный гражданин России Кузьма Захарьевич Минин.

Дмитрий Пожарский продолжал нести государственную службу. В 1619 г. он встречал из плена патриарха Филарета. С тех пор князь стал одним из советников Филарета — фактического правителя при молодой царе. В 1624—1628 гг. Пожарский заведывал Разбойным приказом — по стране еще бродили шайки бывших пособников интервентов типа банды «лисовчиков». В 1630—1632 гг. Пожарский возглавил Поместный приказ — один из важнейших в государственном аппарате. В 1636—1637 гг. начальствовал Судным приказом, где разбирал дела по справедливости, защищая обиженных и наказывая виновных. При всех своих должностях Д.М.Пожарский оставался одним из первых людей при дворе. Во время царских отъездов отвечал за порядок в столице. В 1631 г. он построил Казанский собор на Красной площади Москвы, перенес туда народную святыню — икону Казанской Божьей Матери, которой предписывали помощь в освобождении столицы от поляков. Но главным делом жизни Дмитрия Пожарского по-прежнему оставалось служение Отечеству.

Правительство учитывало то, что в период отражения польской и шведской интервенции, дворянская конница значительно снизила свою безопасность по сравнению с постоянной пехотой — стрельцами. Также и опыт создания Второго ополчения показал, что добровольно набранное и обученное войско из посадских и крестьянских людей с успехом сумело отразить достаточно подготовленные в профессиональном отношении полки интервентов. Опыт войн учил, что возникла необходимость создания обученного пехотного и конного войска. В 1630 г. начались военные реформы. В их подготовке и проведении участвовали военачальники Д.М.Пожарский, Ф.Ф.Волконокий, администратор — думный дворянин А.Я.Дашков. В этом же году в наиболее крупные города России отослали грамоты о наборе людей в «ратное научение», что

знаменовало начало комплектования и формирования полков «нового строя».

Полки «нового строя» неплохо показали себя в Смоленской войне 1632—1634 гг., но иностранцы, пришедшие на службу Русскому государству, перебежали на сторону поляков, что еще раз доказало правоту Пожарского о наемничестве.

Смоленская война выявила и другую сторону реформ. Для успешного претворения в жизнь необходимо было их материальное и денежное обеспечение. А денег в стране, перенесшей политическую и экономическую катастрофу, усугубляемую интервенцией, хронически не хватало. И с этим фактом столкнулся лично Д.Пожарский.

В 1633 г. ему и князю Дмитрию Черкасскому было поручено сформировать полки, предназначенные для помощи войскам Михаила Шеина, прославившегося при обороне Смоленска. Для набора ратных людей финансов не хватало, к тому же правительство не сумело обеспечить явку дворян на службу. Однако к концу февраля 1634 г. Пожарский и Черкасский смогли собрать 8 тыс. воинов. Но 16 февраля отчаявшийся Шеин, из войска которого ушла дворянская конница, капитулировал. Пожарскому пришлось распустить с таким трудом им созданное войско и вернуться в Москву. А в столице уже готовилось судилище, в состав которого вошли бывшие члены семибоярщины — переметчики в стан «тушинского вора». Они-то и вынесли М.Б.Шеину суровый приговор — казнить. Герой обороны Смоленска был для них живым укором и бояре-изменники избавились от него.

Опыт Смоленской войны 1632—1634 гг. показал, что для ведения военных действий необходима серьезная и всесторонняя подготовка. И несмотря на то, что смоленские полки были распущены по домам, от комплектования войск на иных началах не отказались. Во второй половине XVII в. полки «нового строя» в русских вооруженных силах утвердились окончательно. Многие из того, что было сделано Д.М.Пожарским в период формирования народного ополчения было использовано в ходе проводимых реформ второй половины этого труднейшего века в жизни русского народа. Но уже без князя Пожарского.

20 апреля 1642 г. Дмитрий Михайлович Пожарский скончался. Погребли его в родовой усыпальнице в Спасо-Ефимцевом монастыре Суздаля, где захоронены потомки князей Стародубских-Пожарских, Ковровы и другие. Как и многие русские князья, Д.М.Пожарский перед смертью принял охиму и взял себе в монашестве имя Кузьмы в честь своего верного соратника. Так и остались в истории Отечества неразделимы имена славных героев.

В 1695 г. Петр I посетил Нижний Новгород, отыскал могилу Минина и перенес прах героя в усыпальницу Спасо-Преображенского собора Нижегородского Кремля. Он повелел написать на гробнице: «Здесь лежит спаситель России». Не забыли защитников Отечества и потомки. В 1818 г. на Красной площади был воздвигнут памятник Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому. На пьедестале памятника читаем: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия. Лета 1818». И по сей день жива в памяти народа слава великих патриотов земли Русской.

Литература

1. Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского. СПб., 1871. С.126—129.
2. Из «Нового летописца». Временник императорского общества истории и древностей российских. 1853. Кн.17. С.154.
3. Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т.ХIV. С.126. (На память Аверкия Великого взят Китай-город).
4. Из отписки воевод Д.Трубецкого и Д.Пожарского и Земской Думы новгородскому митрополиту Исидору. Дополнения к актам историческим. СПб., 1846. Т.1. С.292 (№ 166).
5. Филарет, находившийся в плену с 1611 по 1619 гг. (был отправлен в Польшу после падения Смоленска), по возвращении из польской неволи фактически управлял государством.
6. Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т.14. С.145.
7. Гуслистый К.Г. Петр Конашевич-Сагайдачный. Украинский исторический журнал (на укр. яз.), 1972, № 4. С.123.

Вопросы к главе IV

1. По каким причинам возник период «смутного времени» в России?
2. Русское войско в XVII в. Организация и вооружение.
3. Какая роль русской православной церкви в борьбе против польских интервентов?
4. Кто из русских руководителей сыграл решающую роль в освобождении России от польских интервентов?